

DK26 2

189

Ран. 6/12/1906

ЗЕЛЕНЬ ШУМЪ

№1

1906 г.

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

*Идетъ, идетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ...*

СОДЕРЖАНІЕ:

Лѣсъ шумитъ.—*Мечтатель*. Въ городѣ.—*Б. Борснй*. Весна.—*В. Ленскій*. Стихотвореніе въ прозѣ.
П. Манычъ. — У Моря. *А. А. Гринбергъ*. Подъ Солн-
цемъ.—*Аратовъ*. Гуси.—*Алек. Морскій*. * * —*Савва*
Чалый. Храмъ случайности.—*Метерлингъ*. О гря-
дущемъ искусствѣ.—*С. Гузиковъ*.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“ Ул. Жуковского, 21.

1906

1908 г. 1-й выпуск

№ 1

ЗЕМЛЯНИЙ ШАМР

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНО-ХОДОВОСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Полное название: Земляной шамр
Краткое название: Земляной шамр

СОДЕРЖАНИЕ

1. Земляной шамр — Меморандум. В. Лодови — 2. Земляной шамр — В. Лодови. Ожидание в дороге
3. Земляной шамр — В. Лодови. Путь к Солнцу
4. Земляной шамр — В. Лодови. Азия, Африка, Америка
5. Земляной шамр — В. Лодови. Остров
6. Земляной шамр — В. Лодови. Остров

Издатель: Земляной шамр
Печать: Земляной шамр
1908

ЛѢСЪ шумить.

(Изъ весеннихъ сказокъ).

I.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ тридевятомъ государствѣ не было правды, но за то стоялъ на всю страну раскинувшийся дремучій лѣсъ, изъ котораго строили тюрьмы и висѣлицы.

Люди, жившіе въ этомъ государствѣ, отличались кротостью и смиреніемъ, и потому называли себя «подданными»...

А про жизнь свою говорили:

— Живемъ—хлѣбъ жуемъ!

Но такъ какъ хлѣба становилось все меньше, то они выдумали еще и другую, не менѣе утѣшительную, поговорку.

— Живемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ...

А когда наступала весна и начиналъ шумѣть лѣсъ, то люди ходили такими-же понурыми и блѣдными, какъ и въ грязную, плачущую осень, и въ свирѣпую зимнюю стужу...

Потому что весна имъ не казалась весной, а на то, что лѣсъ зашумѣлъ, они откликались угрюмо:

— Точно висѣлицы скрипятъ и хлопаютъ острожные двери!..

II.

И жилъ въ той странѣ человѣкъ, который славился тѣмъ, что будто-бы ему извѣстна настоящая, великая, свѣтлая правда.

Сколько ему было лѣтъ, какого онъ былъ рода и племени, откуда онъ пришелъ и давно-ли — никто не зналъ,

потому что никто не видалъ ни разу даже его лица и не слыхалъ звука его голоса.

Поэтому маловѣрующіе люди подсмѣивались и говорили: — Пустяки! Выдумали когда-то старыя бабы глупую сказку про невидимаго ясновидца и всё повѣрили... Ерунда!

Но другіе вѣрили и молились этой «сказкѣ»...

И чѣмъ сильнѣе они вѣрили ей, тѣмъ горячѣе становилось у нихъ въ груди, точно тамъ вставало до красна раскаленное солнце и прожигало своими жгучими лучами ихъ зябкія, робкія души.

Старецъ, какъ рассказывали, жилъ въ землянкѣ, устроенной въ чащѣ раскинувшагося на всю страну дремучаго лѣса.

И говорили, что онъ каждый день, по утру, вставалъ и прислушивался, какъ шумитъ лѣсъ, изъ котораго строили тюрьмы и висѣлицы...

И говорилъ:

— Нѣтъ, все еще скрипятъ висѣлицы и все еще хлопаютъ острожные двери!

III.

Въ одно росистое утро пробѣжала по тридевятиму государству вѣсть, что старецъ, наконецъ, сказалъ великое, благодатное слово:

— Лѣсъ шумитъ!

Шумитъ не скрипомъ висѣлицъ и не хлопаньемъ острожныхъ дверей, а рвущимся къ самому небу весеннимъ шумомъ свободы и правды...

И еще кто-то пробѣжалъ и воскликнулъ:

— Слушайте всё! Великій праведникъ заповѣдалъ: «Какъ только вы, хмурые и блѣдные, робкіе и прибитые, къ землѣ, услышите, что лѣсъ зашумѣлъ, станьте плечо къ плечу, рука объ руку, и сомкнутыми рядами вырвите правду изъ дремучей чащи лѣсной, потому что сама она къ вамъ не придетъ!»

Никто не спросилъ, откуда принесъ этотъ завѣтъ неожиданный вѣстникъ, но всё повѣрили ему отъ мала до велика, какъ одинъ человекъ.

И раньше, чѣмъ лѣсъ зашумѣлъ, они уже стояли плечо къ плечу, рука объ руку.

И вотъ, сперва точно далекій хоръ шаловливыхъ дѣтскихъ голосовъ, донесся какой-то неопредѣленный шумъ...

Все громче и громче становился онъ.

Онъ кружился надъ головами, онъ разстился по землѣ, онъ разносилъ окрестъ какую-то неслыханную, бурную, побѣдную симфонію торжествующихъ звуковъ.

— Лѣсъ шумить!—вырвалось изъ сотенъ тысячъ грудей.

— Лѣсъ шумить!—пѣлъ зеленый, радостный шумъ.

— Лѣсъ шумить!—казалось, дрожало въ золотой паутинѣ, сотканной солнцемъ въ это весеннее утро.

И сомкнутыми рядами люди рванулись въ самую чашу, чтобы сперва найти великаго старца и затѣмъ вырвать правду.

Но старца они не нашли.

И какъ только они вторглись въ чашу, они поняли, что старца никогда не было и что это была, дѣйствительно, сказка, но придуманная не старыми бабами, а созданная ихъ собственной вѣрой, безъ которой имъ никогда не вырвать было бы правды.

И лѣсъ шумѣлъ все сильнѣе побѣднымъ ликующимъ гуломъ...

И плечо тѣснѣе прижималось къ плечу...

Мечтатель.

Въ городѣ.

Въ огненно мгlistомъ сумракѣ города, какъ безмолвныя черныя тѣни, снуютъ они, ищущіе, жадные... Лицъ ихъ я не замѣчаю: я вижу лишь напряженное вниманіе голодныхъ глазъ, страдальчески сложенные прорѣзы рта и чувствую страстный бѣгъ ихъ походки.

Водопаднымъ каскадомъ гремятъ экипажи, настойчиво и упрямо звонятъ колокола конокъ, и ихъ будящіе звуки краснымъ пламенемъ тревоги врѣзаются въ тяжелый и кошмарный гулъ города. Колокола звонятъ и будто призываютъ. Къ чему?

Рой спутанныхъ и жуткихъ по своей неисполнимости грезъ наполняетъ духовную жизнь большого города, и пахнетъ еще свѣжей кровью замученныхъ, раздавленныхъ надеждъ. Ревниво таятся и прячутся подавленные вздохи разочарованій, несбывшихся, невоплотившихся мечтаній. Тонкія снѣжинки рѣдкаго хрусталя валяются въ грязи, и кто тотъ великій, что соберетъ ихъ въ одну стройную вазу? Разсыпались,—и больше нѣтъ лазурныхъ сновидѣній. Ручей поглотила раскаленная пустыня,—и больше не журчитъ его стеклянный бѣгъ. Чистыя слезы любви и страданья скатились по щекамъ и затерялись въ складкакъ грязной одежды.

Смутныя грезы гонятъ меня съ одной улицы на другую. Между камнями мостовой расплюшились комья грязи, и печальныя лужицы воды стальнымъ взглядомъ мертвеца отражаютъ въ себѣ подернутый мглой блескъ одичалыхъ фонарныхъ огней.

Небо не видно. Оно сокрыто отъ глазъ ревнивымъ отблескомъ городского свѣта, и не потому-ли такъ велико

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ.

страданіе и такъ опасенъ путь къ всеразъясняющему свѣт-
лому престолу Бога?

Голодные люди и проститутки касаются меня своими
вздрагивающими плечами, а экипажи богачей бросаютъ въ
мое лицо комья липкой грязи. Но я не хочу думать о раб-
ствѣ однихъ и мутномъ привольи другихъ. Я чувствую
вѣками выложенную стѣну, раздѣляющую ихъ,—заплеснѣв-
шую, покрытую мохомъ времени, скользкую стѣну, съ кро-
вавыми знаками отъ рукъ, пробовавшихъ сломать ее. Гнѣвно
быются крылья въ спицы клѣтки, и течетъ горячая кровь.

Въ мрачномъ озлобленіи кипятъ мозгъ сердца и слѣ-
пить живую душу, засоряя ее чистые источники. Я не хочу
думать. Больные нервы измученной мысли устали отъ думъ.
Но я вѣрю въ близкое паденіе перваго камня, первой
стѣны на пути человѣческаго исканія. Стѣна рухнетъ, а
что за нею?

Широкая жизнь души,—вдохъ міра въ одномъ мгно-
веніи,—проситъ большаго. Душа не знаетъ и не хочетъ
знать временныхъ преградъ. Она пришла изъ вѣчности и
уйдетъ въ нее, разставшись съ непривѣтливой и пыльной
землей. Предъ ней одинъ великій вопросъ о Богѣ и пра-
ведной жизни. О смыслѣ міровой гармоніи и смыслѣ жизни.
Что предъ этими упавшими съ неба, порвавшими съ нею
связи и забывшими великую разгадку сфинксами—всѣ тре-
вожные и большіе, жгучіе вопросы современности?

Предъ моей душой въ раздумьи легъ трудный путь къ
Богу. Его троны—не разобрать въ мутнѣющей дали: Жар-
кимъ пламенемъ горитъ жадная вѣра. Я ищу, стремлюсь,
а ноги ужъ изранены, и изъ холодбующаго сердца я слышу
мольбу и жалобы. Отдохнуть-бы. Приникнуть къ первородной
землѣ и встать сильнымъ, и опять гордо оглянуться вокругъ,
смирненно взять посохъ вѣры и неслышными, шмыгающими и
быстрыми шагами, какъ ходятъ печальныя богомолки, пойти
туда, гдѣ,—я знаю, чувствую, вѣрю—сіяетъ вѣчнымъ свѣтомъ
источникъ Божества...

Крикъ и чьи-то ругательства, шумъ и гомонъ собираю-
щейся толпы возвращаютъ меня къ дѣйствительности. Такая
плоская и бѣдная днемъ реальность, съ высокими короб-
ками-домами,—теперь страшна и все въ ней необычно
Снуютъ тяжелыя черныя тѣни людей, и дыханіе ихъ по-
хоже на то, какъ будто въ груди у нихъ кузнечныя мѣхи,
а руки—молоты, поникшіе безъ дѣла. Шевелятся и мечутся

тѣни, тусклое любопытство привлекаетъ новыя толпы. Имнѣ хочется бѣжать изъ этой груды живыхъ тѣлъ, волнуемой груды дрожащихъ отъ гнѣва тѣлъ, бѣжать на просторъ полей и тамъ, одному, подѣ чистымъ звѣзднымъ небомъ, въ ночи, съ мольбой стоять на колѣняхъ и ждать свѣтлаго откровенія.

Счастливы древніе носители вѣры—пустынники, отшельники. Ихъ посѣщали посланники небесъ. Они говорили съ вѣстниками Бога и слѣпными очами взлелѣянной испытанной вѣры видѣли самого Бога. Въ пустынь они обрѣтали и холили вѣру. Я хочу вѣры и ищу ее, затерянный въ городѣ, среди страданія и слезъ, и празднаго бездѣлья и злобы, среди мутнаго блеска кровавой освободительной войны.

Бор. Ивинскій.

Весна.

1. На зарѣ.

Таетъ снѣгъ, и мокрая земля
Легкимъ паромъ ввечеру дымится,
На лѣсокъ и черныя поля
Вечеръ мглой лиловою ложится.
Въ высотѣ зелено-золотой,
Словно каплей влаги искрометной,
Засвѣтился небосклонъ звѣздой
И проникся грустью безотчетной.
Межъ холмовъ обтаявшихъ село
Изъ долины крышами желтѣетъ,
Тамъ вода, задумчиво тепло
Свѣтитъ небомъ, тихо голубѣетъ.
Тамъ часовня темная стоитъ,

ЗЕЛЕНЫЙ шумъ.

Межъ стволовъ березовыхъ теряясь,
И на воду съ берега глядитъ,
Глубоко и ясно отражаясь.
А межъ небомъ свѣтлымъ и землей
Журавли летятъ, чернѣясь четко,
И зовутъ другъ друга за весной
Въ тишинѣ задумчивой и кроткой...

2. Подснежники.

Тамъ, гдѣ подъ лучами солнца огневыми
Въ полѣ снѣгъ оттаялъ—въ нѣжномъ полуснѣ
Синіе цвѣты съ глазами золотыми
Смотрятъ изъ земли, вѣщая о веснѣ.
Вѣтеръ ихъ колышетъ, солнце ихъ ласкаетъ,
Воздухъ чистъ и звонокъ, и шумитъ вода
По оврагамъ темнымъ, тѣнью пробѣгаетъ
Облаковъ дождливыхъ сѣрая гряда.
Влажная земля питаетъ ихъ обильно,
Отъ цвѣтовъ и листьевъ, влагой налитыхъ,
Свѣжимъ и холоднымъ пахнетъ снѣгомъ сильно
И землей разрытой, полной свѣжихъ силъ.
Ихъ никто не видитъ, ихъ никто не слышитъ.
А они звучатъ всей радостью весны...
Солнце ихъ ласкаетъ, вѣтеръ ихъ колышетъ,
Сине золотые навѣвая сны...

Вл. Ленскій.

Стихотвореніе въ прозѣ.

Какая вѣтряная, какая бурная ночь...

Точно бродить душа кого-то мятежнаго, умершаго безъ покаянія... Шумятъ мокрые клены...

Трескъ мебели въ пустомъ залѣ, звукъ капли упавшей, въ умывальникъ, заставляютъ вздрагивать; и мнится, что сейчасъ скрипнетъ дверь и покажется кто-то бѣлый, призрачный, и въ комнатѣ разольется едва уловимый запахъ погребя и затхлости.

На минуту настолько овладѣваетъ это настроеніе, что упорно немигающими глазами смотришь на мѣдную массивную ручку дверей и сердце дѣлаетъ:

Туку-такъ — туку-такъ...

Потомъ, чтобы разрушить эту нѣмую иллюзію ночи, рѣшительно двигаешь стуломъ, громко, какъ пѣвчія передъ херувимской, говоришь гм да и поворачиваешься къ столу...

А клены шумятъ... все одно и тоже, все одно и тоже; какая вѣтряная, какая бурная ночь.

Кто это хлещетъ и точно царапается въ окно?...

Усиленіемъ воли сосредоточенныя мысли вновь расползаются, какъ тараканы отъ свѣта.

Богъ знаетъ почему и какъ, вспоминаешь маленькую хрупкую фигурку и бѣлые льняные волосы.

Родилась она на берегу Днѣпра, жила подъ электрическимъ свѣтомъ столицы, а умерла въ такую же бурную ненастную ночь одна въ номерѣ дешевой гостиницы въ глухомъ заброшенномъ городкѣ Малороссіи. Сумрачные въ тяжелыхъ сапогахъ городовые, вынимавшіе ее изъ петли, на минуту смутились и затоптались на мѣстѣ.

ЗЕЛЕНый шумъ.

Ну, снимай же с-с-с... Не своимъ голосомъ крикнулъ приставъ, ободряя ихъ и себя.

На кладбищѣ, заросшемъ бузиной и липами, въ далекомъ уголкѣ стоитъ голубенькій крестикъ и на немъ написано бѣлымъ:

Лола.

Надъ могилой шепчутъ вязы и липы, по проволоку ограды воровски и крадучись взбѣгаетъ дикая березка. И тихо, тихо тамъ, заброшено, забыто, пахнетъ землею и травкой.

А зимой—глухой и лютой—глубокій снѣгъ доходитъ до половины стволовъ липъ и вязей, и голубенькій крестикъ безпомощно тянется изъ снѣга, а бѣлая надпись, какъ дѣтскій озябшій голосокъ, говорить:

Лола.

Не дождалась ты свѣта, не увидѣла солнца, и маленькое сердце твое остудила ранняя зима жизни.

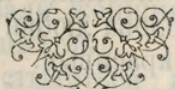
И какъ жаль, какъ мучительно жаль этой рано потухшей искорки въ этомъ маленькомъ тѣлѣ.

У какъ сердито зашумѣли клены... Кто это плачетъ, на кого жалуется.. Какая вѣтряная, какая бурная ночь..

Ночь прошла съ дождемъ и вѣтромъ, и утро стояло радостное, мокрое, смѣющееся, какъ смѣются дѣти послѣ слезъ.

Въ лужахъ купались веселые воробы, тамъ плавали листья, отражалось ровное голубое небо, а на кленахъ, на яркихъ кустахъ смородины еще висѣли крупныя капли вчерашнихъ слезъ. Далеко за рѣкой въ синѣющемъ лѣсу томно куковала кукушка, въ саду свистѣли иволги; съ мохнатымъ полотенцемъ на шеѣ я шелъ въ купальню по мокрому песку садовой дорожки и дышалъ, дышалъ, какъ будто молился. И мнѣ не было жаль «Лола», потому что я не могъ ее вспомнить.

Петръ Манычъ.

У моря.

Знойная степь замерла въ сладострастномъ объятии
красавицы южной ночи

Море своей чудной мелодией убаюкиваетъ ее и съ без-
конечной нѣжностью шепчетъ слова любви.

Шаловливый вѣтерокъ стыдливо спрятался межъ при-
брежныхъ камней, притаился и затихъ.

Все полно божественной любви и чарующей нѣги.

Лишь далеко на горизонтѣ свѣтится мутное багрово-
желтое пятно, и оттуда несется какой-то тревожный, недо-
блливый, безконечный гулъ.

Это—городъ, не знающій ночи, не вѣдающій отдыха и
любви.

* * *

По берегу моря медленно, безшумно, какъ бы боясь
нарушить торжественно величавую гармонію тишины ночи,
идутъ стройные, красивые, радостные и свѣтлые юноша и
дѣвушка.

Они подошли къ обрыву и сѣли въ высокую сырую
траву, покрывающую вершину громадной уходящей въ море
скалы

Море мягко зашумѣло имъ свою привѣтную рѣчь, на-
бѣгая на берегъ, и осторожно, играючись, перевертывая съ
боку на бокъ маленькіе блестящіе камешки. Затѣмъ отхлы-
нуло и уходя рокотало слова любви и ласки, такія простые,
вѣчно понятныя, вѣчно красивыя.

Красавица ночь, страстная и безмолвная, весело улыба-
нулась имъ всѣми своими яркими звѣздами, благословила

ЗЕЛЕНый шумъ.

своей царственной порфирой и стала нашептывать чудныя сказки счастья.

Все стихло, внимая тѣмъ сказкамъ, наслаждаясь и грезя...

* * *

Тихій, нѣжный звукъ поцѣлуя сорвался съ высокой скалы и плавно понесся по безконечной глади моря.

За нимъ другой, третій...

— Люблю, люблю... — мелодично звучали слова среди поцѣлуевъ и будили чуткую тишину степи.

* * *

...Порывъ знойнаго вѣтра зашумѣлъ по скалѣ, плеснулъ на нее росинками водяной пыли, зазвенѣлъ листьями деревьевъ и понесся дальше по степи, на бѣгу рассказывая ей о чемъ-то великомъ и радостномъ...

Далеко, далеко въ морѣ поднялся первый могучій валъ и быстро помчался къ берегу.

Степь вздрогнула и ожила...

А. А. Гринбергъ.

Подъ солнцемъ.

Маленькое нѣжное тѣло. Она была по дѣтски тонкой. Свѣтловолосая съ зеленоватыми днемъ, темными ночью и всегда яркими и жизненно веселыми глазами. Какая-то красивая, нѣжная веселость, простое и живое изящество молодого, зеленого деревца заставляли меня завидовать ей...

Я мучительно хочу описать ее. Мнѣ хочется схватить то, въ чемъ душа ея красоты и жизненной гармоничности.

Сотни разъ сравнивали женщину съ цвѣткомъ.

Но еще разъ — она цвѣтокъ.

Цвѣтку не за что стыдиться и нечего прятать. Онъ весь красивъ и весь живетъ на солнцѣ.

Выдерните его съ корнемъ. Въ землю уходятъ маленькіе, черные, голые корни. Они питаютъ тамъ, подъ землей, цвѣтокъ. Но что-же — стыдиться-ли темныхъ, тоненькихъ, влажныхъ корней!..

О цвѣтокъ! Ты весь — жизнь и спокойно живешь всѣмъ, въ чемъ сотворенъ ты: и корнями, и стеблями, и зелеными листочками и вѣнчикомъ...

И такъ же спокойно живетъ она. цвѣтокъ-человѣкъ, цвѣтокъ-юница, маленькая весенняя фіалочка.

У нея блестящіе, свѣтло-сіяющіе глаза, золотистая лѣтняя солнечная головка, маленькая, тонкая фигура, созданная для того, что-бы въ знойномъ лѣтнемъ воздухѣ жить между цвѣтами, травами, деревьями, родниками, въ прозрачной синевѣ южнаго моря между такими-же красивыми и легкими людьми, какъ она.

Жизнь ея во всемъ подобна жизни цвѣтка. И можно сказать наоборотъ: цвѣтокъ во всемъ подобенъ ей, легкой, живой, въ которой разлита гармонія отъ золотого волоска до розоваго пальчика ноги.

И это живое изящество тѣла, золото волосъ, прелесть глазъ, — въ неразрывной связи съ ея гармоничнымъ, легкимъ — я.

Я — этой фіалочки — какъ нѣжный, серебристый звонъ въ весеннемъ воздухѣ... Оно исходитъ изъ лѣтней, цвѣтущей, солнечной жизни и сливается съ нею.

Она зимняя серебряная снѣжинка... И вызывающая тихую улыбку лѣтняго очарованія лилія, бѣлая лилія, которая такъ красива, что если даже отдается вамъ, то страшно притронуться руками къ музыкальной красотѣ ея атласно-бѣлой чаши.

Въ первый разъ я узналъ, что *такъ живутъ*, когда почувствовалъ ее.

Она жила, она могла, она умѣла жить. Она жила такъ, какъ струится и утопаетъ въ воздухѣ нѣжный звонъ, отдаваясь стихіи, растворяясь въ ней, и этимъ звономъ, раствореніемъ сливаясь съ стихіей — жизнью.

Какъ звонъ, колеблясь звуковой струйкой, утопаетъ въ воздухѣ, такъ она звенѣла солнечнымъ звономъ въ жизни — и въ процессѣ звона, въ процессѣ существованія утопала въ жизни, растворялась въ ней.

Это называется — чистая жизнь. Абсолютная жизнь. Такъ

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ.

живутъ травы. Такъ живетъ роза, и такъ живутъ фіалка и лилія.

Ея человѣческая жизнь—то же, что и цвѣтеніе лиліи.

Она, какъ и цвѣтокъ—подъ солнцемъ и дышетъ солнцемъ. И головка ея отливаетъ зноемъ лѣтняго, солнечнаго золота. И тонкая, розовая кожа ея лица чутка и къ зною, и къ лѣтнему вѣтру. И ея тѣло—прозрачное и розовое, проникнуто солнечнымъ огнемъ.

Она живетъ въ общемъ потокѣ жизни. Ея человѣческая жизнь—цвѣтеніе.

Ея голыя, атласныя, тоненькія руки—какъ молодыя вѣточки юнаго деревца, которое въ прозрачности лѣтняго воздуха такъ прекрасно, что отъ этой красоты чуткій художникъ въ болѣзненной радости плачетъ.

И если ея юное тѣло—розовое въ солнечномъ блескѣ, то развѣ это не красота цвѣтка подъ солнцемъ?

И движенія ея тоненькихъ рукъ, и гибкая прелесть движеній ея нѣжнаго тѣла не трепеть-ли молодого деревца, облитаго солнцемъ?

Она живетъ... Я чувствую—какъ... Это—поэма голубого, тихаго воздуха надъ маленькимъ озеромъ, захороненнымъ въ чашѣ стволовъ, въ заросляхъ камыша и травъ. Это—музыка тихаго рожденія перваго тоненькаго рога молодого мѣсяца, нѣжно блестящаго надъ вѣткой дерева въ прозрачной синевѣ неба...

Аратовъ.

Г у с и.

Высоко въ небѣ летить длинная вереница гусей. Они несутся на югъ и о чемъ то межъ собой перекликаются.

Громкіе, смѣлые звуки несутся на землю

О чемъ они говорятъ, о чемъ спорять, волнуются, кого и въ чемъ убѣждаютъ?.

Не мнѣ грустно слѣдующему за ихъ вольнымъ полетомъ понять ихъ свободную рѣчь.

Я лишь чувствую въ ней что-то близкое, дорогое, желанное. Долетающіе сверху звуки бодрятъ, влекутъ къ себѣ, но сознаніе бессильности, неисполнимости желанія безнадежной тоской тяжело, мучительно давить грудь, и я грустно слѣжу за далекими черными точечками удаляющейся вереницы...

Не одинъ я прислушиваюсь къ этимъ звукамъ.

Они волнуютъ и вотъ этихъ домашнихъ гусей, что лѣживо расположились на полянкѣ и нехотя пощипываютъ траву.

Они вытягиваютъ свои длинныя бѣлыя шеи, склоняютъ на бокъ головы, нервно переходятъ съ мѣста на мѣсто.

Тѣ, что помоложе, начинаютъ изрѣдка о чемъ то тревожно и горячо перекликаться.

Старые уткнулись въ землю носами и дѣлаютъ видъ, что ничего ни слышать и не видятъ.

Но вотъ сверху понеслись дружные громкіе клики. Вся стая заговорила разомъ.

Замѣтила-ли она на полянкѣ домашнихъ гусей и звала ихъ за собою на просторъ и свободу въ теплыя страны, была-ли это радостная пѣснь яркому показавшемуся надъ землею солнцу—не знаю.

Но домашніе гуси поняли этотъ кличъ.

Они поднялись съ своихъ мѣстъ, побѣжали, безтолково хлопая крыльями о землю, и вдругъ съ крикомъ, похожимъ на доносящийся сверху, поднялись на воздухъ...

Радостное гоготаніе ихъ могучей волной понеслось въ небо, и черныя точки далекой вереницы остановились, замерли на мѣстѣ.

— Поднимайтесь!.. Къ свободѣ и свѣту!.. звали сверху дикіе гуси.

— Впередъ!.. Мы съ вами!.. Летимъ!.. отвѣчали имъ снизу страстные голоса...

Радостно, страшась и надѣясь, забилось мое сердце.

— Скорѣе... Съ Богомъ... Впередъ, впередъ... шептали безсвязно мои дражащія губы...

Но сытые, жирные домашніе гуси уже опускались. Они грузно ударились о землю, тяжело дышали и волновались, Молодые еще дѣлали попытки взлетѣть, чтото кричали, вытягивая шеи къ удаляющейся далеко въ небѣ стаѣ, и мольба и отчаяніе слышались въ этомъ крикѣ. А старые гуси зло и конфузливо ворчали, не то оправдываясь, не то бранясь, и видя, что сѣдой, дряхлый пастухъ ихъ подымается на ноги и беретъ въ руки свою длинную хворостину, сами пошли ему на встрѣчу..

Высоко въ небѣ, смѣло и громко перекликаясь, снова несутся впередъ сѣрые дикіе гуси, а мимо меня, жалобно вскрикивая, пробѣгаютъ ихъ бѣлые, жирные, лѣнливые собратья, больно подгоняемые разсерженнымъ злымъ и глупымъ старикомъ...

А я сижу у порога своего непривѣтливаго, неуютнаго жилища, и снова черная безпросвѣтная тоска окутываетъ мою душу, и безрадостныя мысли, какъ могильныя черви, тяжело, лѣнливо шевелятся въ мозгу, и голова болитъ тупой безконечной болью, и нѣтъ во мнѣ воли, нѣтъ желанія, нѣтъ надежды...

Смѣлые, сильные, дикіе гуси, вы несетесь къ моей далекой родинѣ, въ сторону яркаго свѣтлаго солнца. Вы преодолѣете всѣ препятствія, вынесете всѣ невзгоды и испытанія и душистыя поля нѣжно примутъ васъ въ свои объятія, роскошныя деревья весело будутъ шептать вамъ слова любви, свободныя теплыя волны бирюзоваго моря будутъ безъ конца пѣть вамъ пѣсни свободы.

Слава смѣлымъ, слава свободнымъ!..

Моя душа летить съ вами, сѣрые, дикіе гуси. Я жажду
свѣтлаго солнца, жажду счастья, свободы...

Но я слабъ, и зорокъ глазъ моего стража, и больно
впивается въ мое бѣлое тѣло его длинная хворостина..

И я сижу у порога своего непривѣтнаго, неуютнаго
жилица и боюсь надѣяться, боюсь хотѣть...

Алекс. Морской.

* * *

Pour animer le marbre orgueilleux
de ton corps
O, Sapho! j'ai donné tout le sang
de mes veines.

Скромная, стройная, вѣчно прекрасная,
Миръ разливаетъ вокругъ,
Тихая, славная, зоренька ясная
Въ сонмѣ веселыхъ подругъ.

Ясная, съ кроткой душой, безмятежная,
Страсть въ ея сердцѣ молчитъ,
Томная, пѣжная, вся бѣлоснѣжная,—
Ангель надъ нею парить.

Сердца кровью своей, что богрянца алѣй,
Я взволную, зажгу ея кровь,
И во взорѣ очей, южной ночи темнѣй,
Вспыхнетъ пламенемъ жаркимъ любовь.

Савва Чалый.

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ.

Храмъ случайности.

М. Метерлинкъ.

Отказаться отъ созерцанія игры звѣздъ и переливовъ луны въ лазурныхъ водахъ Средиземнаго моря—большая жертва. Но я пожертвовалъ нѣсколькими вечерами моего пребыванія въ этой странѣ солнца, чтобы познать самаго темнаго бога нашей земли, въ самомъ роскошномъ, исключительномъ и горящемъ жизнью изъ его храмовъ.

Храмъ этотъ воздвигнутъ тамъ, въ Монте-Карло, на уступѣ, купающемся въ волшебныхъ лучахъ моря и земли. Заколдованные сады, гдѣ въ январѣ распускаются цвѣты весны, лѣта и осени, душистые рощи, которыя взяли у враждебныхъ временъ года только ихъ улыбки и благоуханія, — служатъ ему предверіемъ. Апельсиновые и лимонныя деревья, пальмы и мимозы окружаютъ его кольцомъ веселья и безпечности. Царскія лѣстницы ведутъ къ нему. Но само зданіе не завершаетъ этой красоты, не соответствуетъ чарующимъ склонамъ, счастливой зелени, изумрудно-синимъ волнамъ залива. Этотъ храмъ не достоинъ своего бога, не достоинъ выраженной имъ идеи. Онъ нестерпимо наряденъ и вызывающе крикливъ. Онъ напоминаетъ гнусную наглость и рабскую заносчивость разбогатѣвшаго лакея. Онъ имѣетъ видъ жалкихъ временныхъ сооружений нашихъ всемірныхъ выставокъ.

Великаго отца судьбы помѣстили въ сахарную бездѣлушку, украшенную сладкими фруктами и сахарными башнями. Можетъ быть, не безъ умысла зданіе это такъ нелѣпо... Боялись предупредить и испугать толпу. Хотѣли заставить ее повѣрить, что самый благосклонный, самый легкомысленный безобидно-капризный и наименѣе серьезный изъ боговъ принимаетъ вѣрующихъ въ сахарномъ зданіи на тронѣ изъ пирожныхъ. Но тамъ царитъ сила, таинственная и суровая, полная разума и власти, гармоничная

и увѣренная. Этого бога надо было бы помѣстить въ мрачный дворецъ обнаженный и строгій, простой и величественный, холодный и вдохновенный, геометрически-правильный и непоколебимый, суровый и подавляющій.

* * *

Внутренность зданія вполне соответствуетъ внѣшнему виду. Залы велики, но слишкомъ банально разукрашены. Помощники банкометовъ, индифферентные и монотонные, напоминаютъ выр-
женныхъ приказчиковъ. Это не жрецы случайности, а ея мелкіе служители. Предметы поклоненія грубы и обыденны: столы, стулья, цилиндръ, вращающійся въ центрѣ алтаря, шарикъ изъ слоновой кости, бѣгающій въ сторону противоположную движенію цилиндра, кое-гдѣ карты—вотъ и все. И этого достаточно, чтобъ пробудить могучую силу, управляющую движеніемъ свѣтилъ.

* * *

Вокругъ столовъ толпятся вѣрующіе. Каждый изъ нихъ за-
таилъ въ себѣ надежду, вѣру, незримыя комедіи и драмы. Здѣсь, больше чѣмъ гдѣ-либо, накаплиются и бесплодно рас-
стаются нервныя силы и страсти. Вотъ то злосчастное мѣсто, гдѣ
безподобная, можетъ быть, даже божественная сущность, совер-
шающая чудеса силы, любви и красоты и духовные цвѣты, самый
драгоценный флюидъ планеты,—погружаются въ небытіе! Трудно
придумать болѣе преступную расточительность.

Могучая сила не знаетъ, куда направиться, не находитъ ни
дверей ни оконъ, ни предметовъ, ни рычаговъ, и устремляется на
игорный столъ, ложится на него, какъ смертельная тѣнь, и со-
здастъ специфическую атмосферу, особенную тишину—болѣзнен-
ное дыханіе настоящей тишины. Въ этомъ зловѣщемъ молчаніи
раздается гнусливый голосъ Рока, повторяющій священную фор-
мулу: „Faites vos jeux, Messieurs, faites vos jeux!“... приносите
жертвы скрытому богу, чтобъ онъ проявилъ себя. Изъ толпы
выдѣляются, озаренныя увѣренностью, руки и величественно
ставятъ на вѣрныя цифры плоды своего годичнаго труда. Другіе
вѣрующіе, болѣе хитрые, осторожные и недовѣрчивые, вступаютъ
въ сдѣлку съ судьбой, стремятся вычислить призрачныя вѣроят-
ности и, изучивъ настроеніе и характеръ генія стола, разставляютъ
свои сложные и запутанныя сѣти. Другіе, наконецъ, отдаютъ
случаю, капризамъ числа, свое счастье и жизнь.

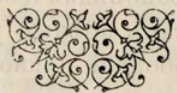
Но вотъ раздается вторая формула: „Rien ne va plus!“...
Богъ сейчасъ заговорить. Если бы взглядъ въ это мгновеніе

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ.

могъ бы пронзить туманность вѣшняго міра, онъ увидѣлъ бы на этомъ зеленомъ полѣ нивы съ колосьями, зрѣющими на солнцѣ луга, лѣса, дворецъ, окутанный луннымъ свѣтомъ, лавочку на окраинѣ маленькаго города, постель проститутки, толпы писцовъ и счетоводовъ, сконившихся надъ толстыми книгами въ темныхъ конторахъ, крестьянъ, угнетенныхъ тяжелымъ трудомъ, сотни женщинъ, работающихъ отъ зари до зари въ убійственныхъ комнатахъ, рабочихъ въ рудникахъ, матросовъ на своемъ кораблѣ, драгоцѣнности, подаренныя развратомъ, любовью, и славой, тюрьмы, мастерскія, радость, нищету, несправедливость, жестокость, скупость, преступленія, лишенія, рыданія... Все это отдыхаетъ здѣсь спокойно, въ маленькихъ улыбающихся кучкахъ золота, въ клочкахъ бумаги, создающихъ разоренія и несчастья. Малѣйшее передвиженіе этихъ желтыхъ кружковъ и бумажныхъ билетовъ отражается въ дѣйствительномъ мірѣ: на улицахъ, въ долинахъ, на деревьяхъ, въ крови, въ сердцахъ... Оно разоряетъ домъ, гдѣ умерли родители, отнимаетъ у дѣда излюбленное кресло, даетъ удивленной деревнѣ новаго помѣщика, закрываетъ мастерскія, лишаетъ хлѣба дѣтей цѣлаго околотка, измѣняетъ теченіе рѣкъ, останавливаетъ жизнь, разрываетъ въ безконечности, во времени и въ пространствѣ, непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Но ни одна изъ этихъ жестокихъ истинъ не вызываетъ тамъ ропота. Спящихъ Эвменидъ здѣсь больше, чѣмъ на багрянныхъ ступеняхъ дворца Атридъ, но ихъ пробужденіе и крики ужаса и страданія умираютъ въ тайникахъ сердца. Ничто не говоритъ о несчастьяхъ, которыя витаютъ въ храмѣ и намѣчаютъ себѣ жертвы. Только зрачки расширяются и руки безсознательно терзаютъ карандашъ или клочекъ бумаги. Ни одного слова, ни одного движенія. Мучительное ожиданіе неподвижно. Здѣсь молчаливыя драмы, скрытая борьба, затаенное отчаяніе, трагедіи, подавленные тишиной, нѣмые удары судьбы; здѣсь они умираютъ въ атмосферѣ лжи, которая поглощаетъ всѣ звуки.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Т.

Въ міръ искусства.

О грядущемъ новомъ искусствѣ.

(Выставка „Міръ Искусства“).

Нѣжное, какъ ажурное кружево, утонченное воображеніе стремится вихремъ за предѣлы нашихъ истинъ къ истинамъ вѣчнымъ. Оно сплетаетъ радужныя мечтанія обманчивыхъ миражей, и въ ненасытной изощренности рождаетъ потоки призраковъ изъ глубинъ зачаточнаго прозрѣнія. И жажда познанія, жажда духа вѣчности стремится ихъ свѣтлыхъ и радостныхъ впередъ къ высокимъ густымъ туманамъ. И призраки разсѣиваютъ туманъ, побѣждая упругую, гибкую, какъ сталь, тайну истинъ.

Это—искусство будущаго, искусство великой свободы духа! Оно зародилось уже и у насъ, зародилось подъ свинцовымъ гнетомъ, и полилось звонкой журчащей струей весенней радости.

Зачатки этого радостнаго искусства,—первыя струи этого потока—выставка „Міръ Искусства“.

Молодая свѣжая живопись этой выставки,—нѣжная и хрупкая, уже нѣсколько лѣтъ ведетъ борьбу съ закованнымъ, омертвѣлымъ старымъ искусствомъ.

Теперешнюю выставку новой живописи уже можно разсматривать не только какъ проповѣдническій призывъ къ новымъ свѣтлымъ горизонтамъ, а какъ зрѣлый уже плодъ вырвавшейся на просторъ радостной, свободной живописи. Ею сдѣланъ еще шагъ впередъ. Утончилась изощренность нѣжныхъ неуволимыхъ паутинозъ импрессионистическихъ эмоцій, и уже слово импрессионизмъ не охватываетъ всю выставку; тутъ занимаетъ цѣлый уголъ новая группа художниковъ, которымъ уже дано и новое

название: „Эмоціонисты“. Правда, существеннаго различія они не представляютъ съ окружающими. Это художники съ еще болѣе утонченнымъ, болѣе изощреннымъ вкусомъ и пониманіемъ, но цѣль ихъ все та-же — обнаженіе

Если *импрессионисты* стремятся обнажать окружающій міръ, слернуть покрывало съ видимаго міра и показать его душу, его скрытый смыслъ, идею, заложенную въ каждомъ явленіи природы, то *эмоціонисты* обнажаютъ прежде всего свою душу, свои сны, рождающіеся въ туманѣ недосигаемыхъ пространствъ, въ слышанныхъ звукахъ ищущей души.

Таковы намеки въ работахъ Кузнецова, братьевъ Милліоти, Сапунова, Анисфельда.

Слѣдуетъ отъ души желать имъ успѣха въ ихъ исканіяхъ, и нужно надѣяться, что они не остановятся на полъ-пути, что, къ сожалѣнію, приходится констатировать въ работахъ нѣкоторыхъ другихъ художниковъ этой же выставки.

Я не говорю здѣсь о сложившихся уже вполне художникахъ, какъ Сомовъ, Врубель, Бенуа, Малявинъ. Они уже сказали свое слово. И если и чувствуется у нихъ повтореніе стараго и ослабленіе жажды исканія, какъ, напримѣръ, у Малявина, то съ этимъ приходится мириться: за ними слишкомъ большая заслуга въ ихъ прежнихъ работахъ. И какъ-то не хочется останавливаться на этомъ, ради общаго впечатлѣнія свѣжести нѣжно ласкающей утренней зари выставки „Міра Искусства“.

Когда возвращаешься отъ закопѣлыхъ, приторныхъ полотенъ передвижниковъ и академиковъ, снова и снова сюда — на эту выставку, еще сильнѣе чувствуешь изысканность утонченаго аристократизма новой живописи.

Это вѣрное пониманіе движенія трепещущаго свѣта, эта прозрачность и свѣжесть струящагося серебристой нитью воздуха тонкой паутиной плывущаго въ загадочныя дали, рисунки узорныя сказки — насколько все это не понятно и недоступно нашимъ прославленнымъ старымъ мастерамъ.

Возьмемъ хотя-бы работы Рѣпина на передвижной выставкѣ. Портреты, писанные въ комнатѣ и на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, совершенно одинаково черны, тяжелы, какъ печеная картофель. Ни солнце, ни свѣтъ, ни серебристый воздухъ не существуютъ для него. Онъ знаетъ о существованіи нѣжной мелодіи могучаго оркестра природы, но до его слуха доносится только трескъ барабана и ревъ тромбона.

Необычайный успѣхъ выставки „Міръ Искусства“ служитъ показателемъ, что идеи обновляющагося искусства побѣдили,

наконецъ, прочно вкоренившіеся старыя пониманія. Не выдержали эти старыя прочно сложенные каменные устои, и подъ свѣтлыми струями обнаженного и всеобнажающаго воздуха они разложились и разсыпались рыхлыми песчаными глыбами, разсѣялся тяжелый туманъ причинной мысли въ живописи, сброшено это ярмо, ско- вывающее стихійный порывъ творческихъ эмоцій, расчищенъ путь стремленіямъ души. И этотъ путь неуловимыхъ звуковъ, могучихъ и нѣжныхъ, скорбныхъ и радостныхъ, извивается красивой загадочностью и манитъ впередъ.

С. Гузиковъ.

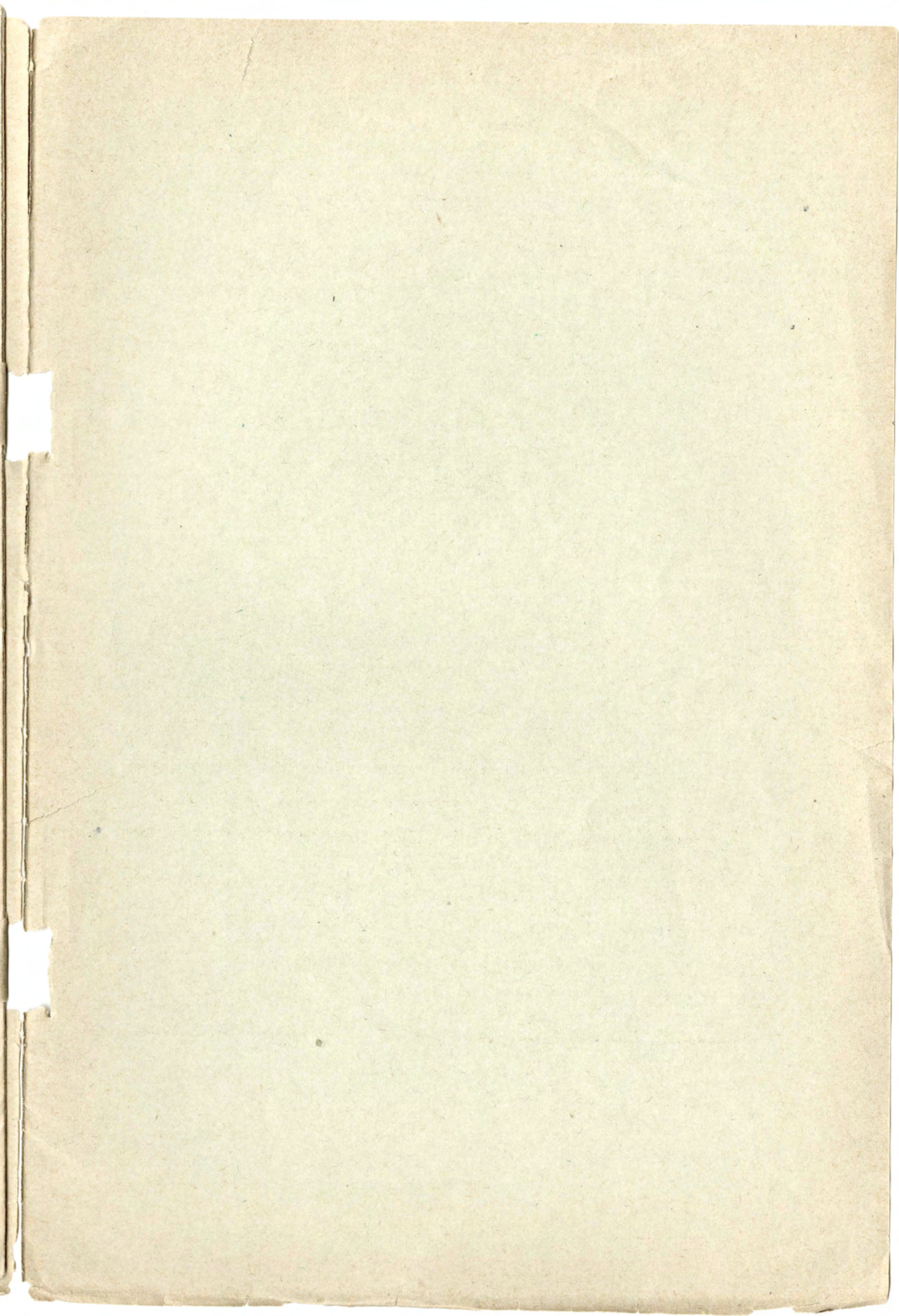

Редакторъ-издатель А. А. Гринбергъ.

*Со слѣдующаго № въ журналъ „Зеленый Шумъ“ будутъ введены критическій и би-
бліографическій отдѣлы.*

Ред.

Адресъ Редакціи и конторы С.-Петербургъ, Ко-
венскій пер., д. 21, кв. 11.

10 K

DK262

.R9

Rare Item

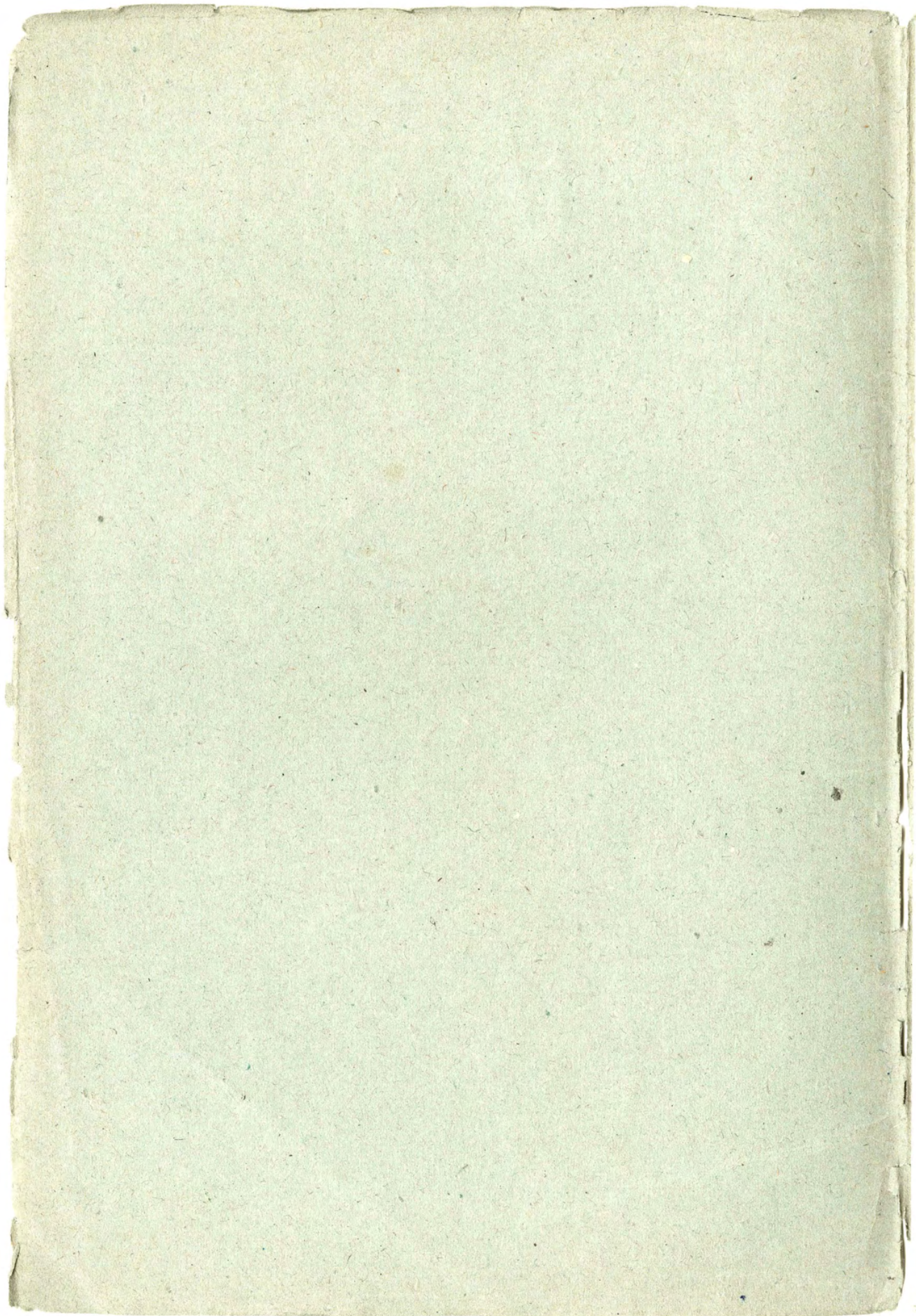
ЗЕЛЕНЬ ШУМЪ

ЛИТ. В. В. ПАСТОРЪ С-ПБ

№ 2

1906 г.

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ...

СОДЕРЖАНІЕ:

Солнце,—*Анатолія Наменскаго*. Островъ смерти,—

Вл. Ленскаго. Въ вагонѣ,—*А. А. Гринберга*. * * *—*Н. С.*

* * *—*Н. С.* Храмъ случайности,—*Метерлинка*.

Мистикъ съ браунингомъ,—*П. Пильскаго*. О твор-
чествѣ,—*Аратова*.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковского, 21.

1906.

Солнце.

I.

Въ самый полдень, по аллеѣ, ведущей къ озеру и дальнему заброшенному парку, прошла красивая женщина съ блѣднымъ лицомъ и глубокими утомленными глазами. Студенту-медику Ефремову, служившему въ курортѣ третій сезонъ подрядъ, уже давно надоѣли молодыя и молодящіяся, ищущія исцѣленія отъ болѣзней и отъ скуки, барыньки, а тѣ подробности, которыя онъ зналъ о каждой изъ нихъ по-пріятельски отъ главнаго врача, расхолаживали всякій интересъ. Въ комнатѣ было сумрачно и прохладно, молодая женщина, которая прошла мимо, жила въ курортѣ цѣлую недѣлю, приче́мъ, появляясь каждый вечеръ то въ читальнѣ, то въ казино, не привлекала особаго вниманія. Но сегодня въ Ефремовѣ почему-то шевельнулось любопытство.

Все, начиная съ замедленной и точно плывущей походки, мечтательно закинутого блѣднаго лица въ гладкой соломенной шляпкѣ, съ отогнутыми книзу полями, и кончая узкимъ чернымъ платьемъ, рельефно облегающимъ тѣло, было странно. Вспомнилъ Ефремовъ, что женщина совершенно здорова, лѣчится официально только отъ малокровія, но въ то же время, не въ примѣръ скучающимъ курортнымъ барынькамъ, ведетъ замкнутую жизнь и явно избѣгаетъ знакомствъ.

Студентъ опоясалъ чесунчовую косоворотку толстымъ шелковымъ шнуркомъ, легкомысленно надвинулъ на затылокъ фуражку, взялъ трость и вышелъ.

II.

Тополі, насаженні рѣдко, почти не давали тѣни, и казалось, что ихъ неподвижныя, безпомощно распростертыя вѣтки вотъ-вотъ запылають отъ зноя. Но въ зноѣ этомъ не было ни сухости ни духоты, и былъ онъ похожъ на чье-то чудовищное, пламенное и свѣжее дыханіе. Въ истомѣ наслажденія и муки сіялъ горячій песокъ, и отдѣльныя песчинки смотрѣли выжидательно и остро, какъ міриады завороженныхъ змѣиныхъ глазъ, и точно умоляли: «еще, еще!»

И песокъ, и вѣтки тополей, и обвитые сплошнымъ темнозеленымъ плющемъ нарядные домики курорта съ бѣлыми крышами, и разноцвѣтныя зеркальныя шары среди цвѣтныхъ клумбъ, и даже мутно-синее, лѣнивое и пьяное небо, — невидимыми жадными устами впитывали золотой, струящійся съ вышины огонь. Еще, еще, еще... Блаженно таяла мысль, умирала память, и когда Ефремовъ дошелъ до низенькаго частокола, отдѣлявшаго курортъ отъ степи, то ему показалось, что никогда онъ не будетъ въ силахъ отворить калитку и переступить порогъ. Но случилось какъ разъ напротивъ, что онъ уже не могъ остановиться и, гонимый жестокими и нѣжными волнами ослѣпительно-золотого воздуха, пошелъ впередъ.

«Почему на ней черное платье? — думалъ Ефремовъ, двигаясь по аллеѣ разслабленными шагами, — почему непременно черное, и какъ рѣшилась она на эту утонченную пытку? Сознательно или безсознательно отдастъ она свое тѣло ненасытнымъ солнечнымъ ласкамъ и не скрывается ли тутъ какое-нибудь извращеніе, причуда, одинъ изъ безчисленныхъ капризовъ женщины-мечтательницы, фантазерки?»

Ефремовъ шелъ по раскаленному песку, жмуриль глаза, и у него было такое ощущеніе, какъ будто онъ стоитъ на мѣстѣ, а тополи, съ молитвенно поднятыми къ небу серебряными вѣтвями, одинъ за другимъ, плывутъ ему навстрѣчу. На поддорогѣ къ дальнему озеру и парку, въ сторонѣ отъ аллеи, возвышалась квадратная бесѣдка со скамейками на плоской крышѣ, и студентъ, въ изнеможеніи, поднялся по шаткимъ ступенямъ наверхъ. Кровь гудѣла у него въ ушахъ, а передъ прищуренными глазами, пылалъ песокъ, пылала клочковатая сѣдая трава, и мутно-синее совершенно опьянѣвшее небо мгновеніями казалось краснымъ.

III.

Сидя на площадкѣ, Ефремовъ постепенно приходилъ въ себя и продолжалъ думать о женщинѣ, надѣвшей черное платье въ знойный іюльскій полдень.

Въ этомъ узкомъ и совершенно гладкомъ платьѣ, за которымъ сразу угадывалось тѣло, онъ не видѣлъ ея ни разу, и было трудно допустить, что она не знаетъ свойства чернаго цвѣта поглощать солнечные лучи. А если бы и не знала, то все равно почувствовала бы съ двухъ шаговъ. И для Ефремова становилось несомнѣннымъ, что здѣсь скрывается какой-то оригинальный чувственно-поэтическій культъ... Мысль о культѣ вдругъ показалась студенту волнующей и красивой, и снова, съ неожиданнымъ наслажденіемъ онъ ощутилъ надъ собою чье-то чудовищное, горячее и свѣжее дыханіе.

Не было зноя, и тѣло сдѣлалось легкимъ-легкимъ, какъ будто, вмѣсто крови, оно наполнилось золотыми солнечными лучами. Эти лучи проникли въ самую глубину мозга и мгновенно сожгли и растопили въ немъ все расчетливое, мелкое и тайное, и когда Ефремовъ, чувствуя свои гибкіе мускулы и нѣжное дѣвичье лицо, сбѣгалъ по ступенькамъ внизъ, у него въ головѣ, вмѣсто обычно-безформенныхъ и смутныхъ мыслей, чеканились круглыя торжественныя слова:

«Солнце—золотая радость жизни. Наслажденіе его единственный указующій путь. Смѣлый, блаженный путь. Я иду навстрѣчу женщинѣ въ черномъ платьѣ, впитавшей въ себя великую солнечную мудрость. Въ ея жилахъ текутъ золотые солнечные лучи. Она молода и свободна, какъ я».

IV.

Приближаясь къ деревянной рѣшеткѣ парка, Ефремовъ заранѣе зналъ, что тамъ, за пестрой смѣшанной зеленью тополей, акацій и каштановъ, произойдетъ нѣчто безумно-смѣлое, непохожее на избитыя комнатныя встрѣчи, и весь горѣлъ нетерпѣніемъ, какъ бы боясь проснуться отъ волшебнаго сна. Пахло лѣснымъ жасминомъ, разогрѣтыми листьями и травой, и аромат этотъ былъ густой, сладострастный и сонный. Всюду проникло солнце, и его уклончивыя золотисто-зеленыя пятна колебались по заросшимъ дорожкамъ, по вѣткамъ и по стволамъ. И пока Ефремовъ

пробирался паркомъ, онъ чувствовалъ на своихъ щекахъ чьи-то мгновенные воздушно-жаркіе поцѣлуи.

Неожиданно открылось озеро, окруженное плоскими берегами, и тотчасъ, между опушкой парка и водой, въ десяти шагахъ отъ себя Ефремовъ увидѣлъ женщину въ черномъ платьѣ. Она лежала на чистомъ бѣло-розовомъ пескѣ, блаженнымъ, смѣющимся взоромъ смотрѣла на ослѣпительную водную поверхность, и маленькія танцующія солнца отражались у нея въ глазахъ. Распахнутое на обѣ стороны шелковое платье обнажило прекрасное молодое тѣло, а бѣлыя руки, освобожденные отъ узкихъ, растегнутыхъ до плечъ, рукавовъ, лѣниво поддерживали надъ головой соломенную шляпку съ загнутыми книзу полями.

Сонъ продолжался... Ефремовъ стоялъ въ десяти шагахъ, не уходилъ, не испытывалъ смущенія, и не замѣтилъ, какъ ея глаза нашли его лицо, такъ же, какъ не удивился, что эти глаза, безъ тѣни испуга, все съ прежнимъ блаженнымъ выраженіемъ стали манить его къ себѣ. И глаза, и безстыдно млѣющее въ рамкѣ чернаго шелка тѣло, и танцующіе ослѣпительные шарики на поверхности воды, и бѣло-розовый песчаный берегъ, и мутно-синее, изнемогающее отъ опьяненія небо,—все смѣялось какимъ-то общимъ, торжествующимъ, солнечнымъ смѣхомъ.

О, какъ это было непохоже на всѣ двадцать пять лѣтъ прожитой Ефремовымъ жизни, на тысячу прочитанныхъ имъ книгъ, на такую же тысячу рассказанныхъ ему случаевъ и поступковъ. И то, что произошло потомъ, было вѣроятно и невѣроятно, какъ сказка, какъ сонный, безумный бредъ.

Сіяло обнаженное тѣло, песокъ и солнце, и Ефремовъ слышалъ спокойный пѣвучій голосъ:

— Подойдите поближе, господинъ будущій докторъ. Не смущайтесь. Если хотите, то вамъ разрѣшается цѣловать мои плечи, руки и ноги. Можете цѣловать меня всю. Только для этого вамъ придется встать прямо въ песокъ на колѣни. Васъ это не очень пугаетъ?

Онъ подбѣжалъ и бросился прямо въ горячій песокъ, слился съ этимъ пескомъ и съ солнцемъ, и съ пьянымъ небомъ и съ чернымъ шелкомъ, впитавшимъ въ себя вели-

кую солнечную мудрость, и съ чужими, близкими, сумасшедшими, блаженно смѣющимися глазами. И на одномъ мгновеніе убогая человѣческая жизнь перестала походить на жизнь и сдѣлалась чудесной и смѣлой, какъ солнце.

Анатолій Каменскій.

Островъ Смерти.

1.

Обрывистый берегъ. Остатокъ высокой стѣны съ готтической амбразурой окна. Мшистые камни. Ползучія, дикія травы. Высокіе, черные кипарисы.

Между черными стѣнами кипарисовъ видно зелено-лазурное море. Далеко въ дымкѣ закатнаго пламени синѣетъ городъ. Оттуда, съ золотыми волнами вечерняго свѣта плыветъ звонъ колокольный. За обрывомъ слышенъ шумъ морского прибоя, крики чаекъ...

Глухо, пустынно, дико...

Кипарисы безмолвны, кипарисы неподвижны. Только вершины качаются, когда вѣтеръ летитъ. Но молчатъ вѣчно, глубоко молчатъ...

Звонъ колокольный несется изъ дальняго города. Заря золотомъ все небо зажгла.

Кипарисы слѣпы. Кипарисы глухи. Какъ черныя пламени скорби высятся надъ моремъ, и въ безмолвіи ихъ—вѣчная тишина Смерти...

2.

Бѣлое крыло летитъ къ пустынному острову. Бѣлое крыло радостно трепещетъ на вѣтрѣ. Съ лодки несется пѣсня:

Синее небо,
Синее море,
Солнце вечернее...

Уже совсѣмъ близко. Бѣлый парусъ становится все больше...

Золото солнца закатнаго!

Золото звона вечерняго!..

Пѣсня оборвалась. Пловцы умолкли. Подняли головы, увидѣли кипарисы—поблѣднѣли, поникли...

Повернули лодку, уходятъ, уходятъ отъ острова. Отъ страшнаго образа Смерти. Отъ неожиданнаго предѣла всѣхъ странствованій. .

Что ихъ пугаетъ?..

Всѣ боятся... Ихъ много проѣзжаетъ мимо. Но рѣдкій пристаётъ добровольно. Развѣ буря прибѣтъ, и нѣтъ другого пріюта...

А здѣсь такъ тихо... такой бездонный покой... такое безбрежное молчаніе...

Здѣсь хорошо отдыхать отъ бурь... хорошо спать...

Тамъ, надъ моремъ—другое море золотого вечерняго воздуха. Здѣсь—всегда сумерки, прохладныя, синія...

Тамъ—шумитъ море, колокола звонятъ, пѣсни льются, чайки стонутъ. Здѣсь—тихо, безпечально, безрадостно...

Царство Тишины, вѣчнаго, мертваго безмолвія...

3.

Старецъ выходитъ изъ пещеры, раздвигая ползучія травы.

Длинные, бѣлые волосы на плечахъ, большая бѣлая борода на груди—окутанъ въ черную съ золотыми звѣздами мантию, на головѣ корона изъ кипарисовыхъ вѣтвей, въ рукѣ длинный бѣлый посохъ...

— Кто потревожилъ сонъ короля?..

Молчаніе...

— Кто ты?

Молчаніе...

— Кто-бы ты ни былъ—тебѣ воздадутъ королевскія почести, и ѿнимамъ тебѣ будетъ воскурень, и всѣ предъ тобой преклонятся...

Молчаніе...

Старецъ поднимаетъ свой посохъ. Перекидываетъ черезъ плечо мантию.

Тише... Король идетъ...

Голоса за обрывомъ:

— Что это за островъ?

— Не знаю, никогда здѣсь не бывалъ...

— Отчего мы раньше не встрѣчали его?

— Да, странно...

На верху обрыва—дѣвушка въ бѣлой одеждѣ, черные волосы лежатъ на спинѣ до земли, блѣдное лицо, большіе глаза... Машетъ рукой.

— Сюда, сюда! Это какой-то сказочный островъ!..

Голосъ снизу

— Нужно лодку привязать... Море начинаетъ разгрываться—какъ-бы не унесло...

Юноша всходитъ на обрывъ. Дѣвушка сбѣгаетъ внизъ. Звонкіе крики:

— Подожди!

— Лови!

— Упадешь!

— Ахъ!

— Поймалъ!..

Смѣхъ радости и счастья. Звонъ поцѣлуевъ въ темной тишинѣ острова, въ холодныхъ сумеркахъ кипарисовъ...

— Пусти... оставь меня...

— Что съ тобой?

Она дрожить... ея глаза полны ужаса...

— Смотри...

Подняли глаза—замерли...

Кипарисы глухи. Кипарисы слѣпы. Какъ черныя пламена, высятся надъ моремъ, и въ безмолвіи ихъ—тишина Смерти...

— Тише...

Они всегда молчатъ. Они выросли изъ могилъ. Они вынесли изъ могилъ чернѣйшій мракъ и черную тишину.

Смотрятъ только вглубь себя. Слушаютъ только въ глубинѣ себя. Весь островъ оковали своимъ безмолвіемъ...

— Здѣсь нельзя смѣяться...

— Здѣсь нельзя цѣловаться...

— Здѣсь нельзя жить...

— Тише...

Тихая и блѣдная, какъ испуганный Ангель, она опустилась на камень.

Онъ стоитъ передъ ней и смотритъ въ ея красивое лицо съ мукой отчаянія, страха...

А сумерки въ развалинахъ густѣютъ. А кипарисы молчать, не шевелятся. И въ воздухѣ каменная неподвижность...

— Дитя, очнись! Дитя, подымись! Уйдемъ отсюда!..

— Не могу...

— Я понесу тебя!..

— Возьми... понеси...

— Обними меня — вотъ такъ...

— Ахъ, ты не вынесешь меня отсюда... ты самъ упадешь...

— У меня еще есть силы...

Онъ несетъ ее, какъ больное дитя. Они наверху. Она всплескиваетъ руками и соскользаетъ съ его рукъ.

— Ахъ!

— Что съ тобой?

— Я не вижу нашей лодки!..

— Ее, должно быть, скрываютъ развалины...

— Нѣтъ, нѣтъ, ее море унесло!.. Вонъ бѣлѣтъ парусъ! Онъ самъ развернулся! Онъ убѣгаетъ отсюда! Онъ убѣжалъ отъ кипарисовъ! Убѣжалъ отъ этой тишины Смерти!.. А мы остались!.. Мы остались!.. Мы остались!..

Рыданья ужаса, отчаянья, безнадежности... Они такъ странно звучатъ въ темной тишинѣ острова, въ холодныхъ сумеркахъ кипарисовъ...

Тихое недоумѣніе горя:

— Какъ это случилось?.. Лодка была привязана... парусъ свернуть?..

Умолкли... Стоять наверху обрыва, между стѣной и кипарисами, темными силуэтами на золотой полосѣ заката, подобно двумъ небольшимъ кипарисамъ, поднявшимся изъ новыхъ могилъ...

Стоять... молчать...

Пришелъ старецъ въ черной съ золотыми звѣздами мантии, въ коронѣ изъ вѣтвей кипарисовыхъ.

Смотритъ на нихъ, шепчетъ:

— Вотъ еще два кипариса...

И тихо спрашиваетъ:

— Нужна-ли вамъ еще лодка?..

Два слабыхъ голоса съ высоты обрыва чуть слышно отвѣчаютъ:

— Нѣтъ... больше не нужна...

— Плачете-ли вы о концѣ странствій?..

— Нѣтъ... мы больше не плачемъ...

— Желаете-ли вы что-нибудь?..

— У насъ нѣтъ больше никакихъ желаній...

— И никакихъ радостей?..

— Да...

— И никакихъ страданій?..

— Да...

— Сожалѣете?..

— Нѣтъ...

— Благословляете?..

— Нѣтъ...

— Проклинаете?..

— Нѣтъ...

— Что съ вами?..

Молчаніе...

Два силуэта на обрывъ неподвижны. Безмолвны. Черные. Скорбные.

Кто-то блѣдный заглянулъ въ тихій сумракъ развалинъ, и зеленоватый свѣтъ упалъ на камни...

Луна поднялась...

И еще тише стало. И еще глубже и холоднѣй молчаніе...

— Вы слышите меня?..

Безмолвіе...

— Вы видите меня?..

Безмолвіе...

Кипарисы глухи. Кипарисы слѣпы. Какъ черныя пламени, высятся надъ моремъ, и въ безмолвіи ихъ—вѣчная тишина Смерти...

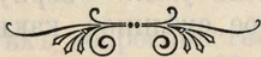
Не шевелятся... не шепчутъ... не дышать...

Тише...

Ничего не знаютъ... ничего не ждутъ...

Тише... Король идетъ...

Вл. Ленскій.

Въ вагонѣ.

— Здѣсь слишкомъ душно и тѣсно. Пересядемъ куда нибудь.

— Вездѣ одно и то же. Всѣ вагоны переполнены.

— Я пойду поищу. Можетъ быть, найдется незанятое отдѣльное купе. Просидѣвъ здѣсь всю ночь, ты пріѣдешь къ намъ больной и разбитой.

— Да, вѣдь, недолго. Сколько часовъ ѣзды?

— 6 часовъ. Но вспомни, что цѣлый день ты была на ногахъ, а вечеромъ—въ театрѣ.

— Да, я начинаю чувствовать усталость.

— То-то и есть. Поѣздъ ушелъ изъ Н—ска въ 1 ч. 5 мин., значитъ мы будемъ дома въ 8-мъ часу утра. Провести это время въ такой тѣсотѣ и духотѣ, не имѣя возможности прилечь, вздремнуть — значитъ заболѣть на двое сутокъ. Нѣтъ, ужъ я лучше пойду поищу кондуктора, потолкую съ нимъ.

Разговоръ велся подъ грохотъ и лязганье мчащагося поѣзда въ вагонѣ второго класса.

И онъ и она были молоды, и былъ второй часъ ночи, и накаленная юльскимъ солнцемъ южная степь все еще дышала зноемъ, и вѣтеръ, производимый быстрымъ ходомъ поѣзда, не могъ понизить температуры биткомъ набитыхъ людьми вагоновъ.

Онъ всталъ и вышелъ на площадку, закурилъ папиросу, и сталъ поджидать кондуктора.

„Милая Зинка, — подумалъ, глядя въ несущуюся на встрѣчу поѣзда длинную черную степь, молодой человекъ, — Милая Зинка, ты спишь уже... Свернулась калачикомъ, и лицо у нея теперь такое смѣшное, какъ у ребенка. Небось

соскучилась бѣдная, вѣдь, я уже... понедѣльникъ, вторникъ... 5 дней, — посчиталь онъ по пальцамъ, — какъ изъ дома... Ну, ничего, за то завтра вдвойнѣ обрадуется. Пожалуй, «своей Юльцѣ» даже больше будетъ рада, чѣмъ мнѣ...»

Въ это время изъ сосѣдняго вагона вышелъ кондукторъ, и молодой человѣкъ поспѣшилъ завести съ нимъ интимную бесѣду, причемъ послѣ нѣсколькихъ фразъ зажатые пальцы правой руки молодого человѣка какъ-то незамѣтно изъ жилетнаго кармана перенеслись въ широкую полуоткрытую ладонь кондукторской длани. Что-то звякнуло, а затѣмъ оба говорившіе вошли въ вагонъ.

— Пойдемъ, Юля, — обратился къ своей сосѣдкѣ молодой человѣкъ, — мы пересядемъ въ другой вагонъ, — и, захвативъ съ сѣтки два маленькихъ чемоданчика, онъ пошелъ вслѣдъ за кондукторомъ.

Кондукторъ привелъ ихъ въ сосѣдній вагонъ, открылъ ключемъ пустое темное купе, зажегъ свѣчу въ фонарѣ и, замѣтивъ, что молодая женщина стоитъ въ нерѣшимости, вѣжливо, но съ ноткой особенной холопской фамильярности, произнесъ: — не извольте беспокоиться, сударыня, сюда никто не зайдетъ... Покойной ночи-съ, — и, поклонившись какъ-то бокомъ молодымъ людямъ, быстро вышелъ.

Юля густо покраснѣла.

— Дуракъ, произнесъ вслѣдъ ему вполголоса молодой человѣкъ.

— Онъ насъ принимаетъ за любовниковъ или молодоженовъ... Знаешь, Сережа, мнѣ непріятно, что мы пересѣли сюда: чортъ знаетъ, что могутъ о насъ подумать...

— Кто? Кондукторъ? Ха-ха-ха... Ну и пусть себѣ думаетъ. Развѣ тебѣ это не безразлично?.. Давай-ка лучше располагаться на ночь — скоро 2 часа.

— Да, прилечь хорошо, только я все равно не усну...

— Почему это? Корсетъ... Это остроумно! ...Но у тебя съ собой есть, надѣюсь, какая-нибудь домашняя блузка?

— Есть.

— Тогда это дѣло поправимое. Я становлюсь у окна и начинаю съ интересомъ разсматривать чудный, но совершенно невидимый за темнотой пейзажъ, а ты скорѣй переоблачайся. Хороша-бы ты была, если-бы просидѣла всю ночь въ корсетѣ...

Молодой человѣкъ добросовѣстно уставился глазами въ темное стекло вагоннаго окна, а Юля, доставъ изъ малень-

каго чемоданчика бѣлую ночную блузку, стала быстро переодѣваться, стоя спиной къ своему попутчику. Черезъ минуту въ шлифованномъ стеклѣ окна отразилась ея полуголая спина, плечи и красивыя бѣлыя руки.

Замѣтивъ это отраженіе, молодой человѣкъ быстро отвелъ глаза въ уголъ вагона, но чрезъ нѣсколько секундъ снова сталъ смотрѣть на стекло и даже, совершенно машинально, сталъ чуть дальше отъ окна, чтобы лучше видѣть въ немъ отраженіе.

— Однако, какія у нея роскошныя формы,—подумалъ онъ помимо своего желанія. — Почему я раньше никогда этого не замѣчалъ?.. Удивительно сложена...

Въ это время Юля обернулась къ окну и нагнулась, чтобы положить корсетъ въ чемоданчикъ. Въ окнѣ отразилась полудѣвственная грудь, высокая, упругая, бѣлая съ вишневыми кружками по срединѣ. Молодой человѣкъ быстро сдѣлалъ шагъ впередъ и прильнулъ разгорѣвшимся лбомъ къ стеклу.

— Что, скоро?—спросилъ онъ неестественно громкимъ голосомъ.

Сейчасъ, сейчасъ Сережа. Надоѣло любоваться великолѣпнымъ, но невидимымъ пейзажемъ,—засмѣялась Юля.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего... Но минутъ черезъ 10—15 мы будемъ переѣзжать мостъ черезъ рѣку. Великолѣпное мѣсто. Если скоро кончишь свой туалетъ, такъ откроемъ окно и вмѣстѣ полюбуемся.

— Съ удовольствіемъ! Можешь уже повернуться — я готова.

Она стояла передъ нимъ улыбающаяся, нѣсколько смущенная въ бѣлой легкой ночной блузкѣ, совершенно скрывающей ея красивыя формы, но онъ уже невольно видѣлъ ихъ сквозь легкую матерію блузки по едва уловимымъ контурамъ и складкамъ. Ему стало стыдно и тотчасъ-же страшно, что Юля почувствуетъ на своемъ тѣлѣ его взглядъ и, стараясь не встрѣчаться съ нею глазами, онъ началъ смотрѣть на ярко горящую свѣчу фонаря.

— Задернуть занавѣску, — подумалъ онъ, — не будетъ такъ виднѣ, — и, подходя къ фонарю, произнесъ вслухъ: — можно? Глаза рѣжетъ.

— Можно, конечно. Кстати, опусти стекло, а то какъ бы мы не пропустили рѣки.

Дѣйствительно, красиво изогнувшись, поѣздъ подходилъ

къ чернѣвшему впереди мосту, тяжело пыхтя, взбираясь на гору.

Молодые люди стали у открытаго окна. Имъ приходилось жаться, чтобы обоимъ можно было высунуть головы въ узкое окно. Чтобы выиграть кусочекъ мѣста, занимаемый рукой, молодой человѣкъ положилъ свою руку на спину Юлѣ, причемъ его пальцы оставались вытянутыми на воздухѣ, и вся рука была въ напряженномъ положеніи.

— Ты ничего не имѣешь, что я руку положилъ тебѣ на спину?

— Пожалуйста... Да что это ты со мной кавалерничаешь? Стань-ка такъ, чтобы тебѣ было удобно... Вотъ такъ, ближе еще... Я вовсе не такая толстая, чтобы мы вдвоемъ не могли умѣститься у окна.

Онъ почувствовалъ сквозь тонкую ткань платья ея противящееся натиску тѣло, почувствовалъ, какъ кровь ударила ему въ голову, застучала въ вискахъ, хотѣлъ было отойти отъ окна, но не сдѣлавъ этого, а наоборотъ, прижался сильнѣе, и вдругъ въ мозгу его ярко вырисовалось видѣнное имъ давеча ея отраженіе...

— Юля, видишь вонъ, далеко зеленый огонекъ: то пароходъ по рѣкѣ идетъ. А тамъ, желтенькіе огоньки — это деревня. Видишь колокольню? Нѣтъ? Смотри на уголъ моста, видишь?

И онъ сжималъ ее сбоку своими длинными, нервными пальцами, направляя этими пожатіями ея взглядъ то въ ту, то въ другую сторону.

Поѣздъ подходилъ уже къ самой рѣкѣ. Потянуло сырмъ холодкомъ. Юля прижалась къ нему сильнѣе, и онъ почувствовалъ чрезъ чесучевый пиджачекъ ея выпуклую, эластичную грудь, почувствовалъ ея теплоту и съ своей стороны постарался подставить ей возможно большую площадь своего тѣла.

Въ это время поѣздъ загрохоталъ по мосту и понесся съ бѣшеной быстротой. Далеко внизу блестѣла черная, точно полированная, стальная полоска рѣки, по которой изрѣдка разбросаны были желтыя, бѣлыя, зеленыя и красныя звѣздочки, отражавшіяся въ ней бѣгущими змѣйками. Справа ясно вырисовался золоченый верхъ колокольни, а надъ нимъ, точно висящій въ воздухѣ, шестиконечный крестъ. У самаго берега, словно прячась отъ висящаго креста и колокольни, смутными желтоватыми пятнами вырисовывались маленькіе до-

мики деревни, окруженные такими же маленькими черными деревьями. А дальше взоръ утонулъ въ трепещущей темно-синей мглѣ, спускавшейся отъ далекихъ ярко блестящихъ звѣздъ къ черной безмолвной землѣ...

Паровозъ вдругъ зашипѣлъ, и бѣлые влажные клубы пара окутали все непроницаемымъ туманомъ.

— Хорошо, Юльця?! Въ облакахъ... Между небомъ и землею...

Онъ старался заглянуть ей въ глаза, и губы ихъ встрѣтились...

Его страсть передалась Юлѣ. Ея губы были горячи поцѣлуй дологъ и жгучъ...

И вдругъ все кудато исчезло. Знойный удушливый вихрь поднялъ и закружилъ ихъ среди цвѣтника сверкающихъ солнцъ, радостныхъ, смѣющихся, ароматныхъ. И они бѣшено кружились среди нихъ безъ думъ, безъ словъ, задыхаясь отъ счастья.

— Что-жъ это, Сережа? Что-же это? Сергѣй, Сережа. Да, не смотри-же на меня такъ, опомнись. Что случилось съ нами, какъ я могла... Это вѣдь ужасно, нелѣпо...

— Что-жъ ты молчишь? Подумай, вѣдь, Зина моя двоюродная сестра... Нѣтъ, больше—самая родная изъ всѣхъ: я съ ней вмѣстѣ выросла, я люблю ее, и вдругъ... Что-жъ это?..

Она сидѣла на диванѣ, рядомъ съ Сергѣемъ, въ разстегнутой измятой блузкѣ, съ распустившимися по плечамъ густыми мягкими ароматными волосами, и первые розовые лучи восходящаго солнца нѣжно освѣщали ея возбужденное лицо. Держа его за руки, чтобы онъ снова и снова не сжималъ ея въ своихъ объятіяхъ, она смотрѣла на его улыбающееся счастливое лицо, на его губы, чуть слышно шептавшія ей слова любви, и въ ея глазахъ, такихъ глубокихъ, большихъ и все еще страстныхъ, свѣтился мучительно-радостный вопросъ. Серьезный, важный вопросъ, какъ дальше жить послѣ только-что происшедшаго, а на умъ не приходили слова, и она продолжала повторять: — Что-жъ это, Сережа, что-жъ это?..

Наконецъ, онъ освободилъ свои руки, снова съ силой притянулъ ее къ себѣ и сталъ громко долго цѣловать въ глаза, губы, шею, грудь... Затѣмъ выпустилъ ее изъ рукъ, всталъ и обернулся къ ней лицомъ.

— Что это? не знаю, Юльця.. Это страсть, это молодость, это порывъ. Можетъ быть, съ точки зрѣнія шаблонной морали, это преступно, недостойно «честныхъ» и «порядочныхъ» людей, можетъ быть... Но я чувствую только одно—это хорошо, это божественно!

— Ни я, ни ты этого не хотѣли. Но случай, природа, наша молодость и здоровье сильнѣ насъ. И слава Богу, что это такъ!

— Юльця, я не чувствую угрызений совѣсти, во мнѣ нѣтъ раскаянія, нѣтъ стыда и страха — значить я не сдѣлалъ ничего дурного. Значить, это—хорошо. Не мучь-же себя, не старайся во что бы то ни стало осудить себя и меня. Это будетъ несправедливо.

— А Зина... А мой мужъ! Вѣдь, я люблю ихъ, какъ раньше... А между тѣмъ, я не смѣю больше подойти къ нимъ?

— Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ, если ты чувствуешь то-же, что и я. А ты это чувствуешь. Ты сама говоришь, что ты ихъ любишь такъ же, какъ раньше. И я люблю Зину. Вся моя жизнь—для нея. Но пойми, вся жизнь — реальная, настоящая жизнь. Но въ сказкѣ, во снѣ, въ безотчетномъ порывѣ — я не властенъ. И такой порывъ не можетъ, не долженъ быть для нея оскорбителенъ, для меня преступенъ. Онъ безсознательно, властно, сильнѣ меня, захватилъ меня врасплохъ, покорилъ мой умъ, сердце, тѣло. Вѣдь, я неумышленно, обдуманно сдѣлалъ это, желая этого, сознавая, что это преступно... Нѣтъ, я не боюсь встрѣчи съ Зиной. Ни одинъ изгибъ моей души не пересталъ ее чувствовать, какъ прежде. Пусть сейчасъ потребуется моя смерть ради ея счастья, и я, не колеблясь, отдамъ свою жизнь. Почему же я не имѣю права смотрѣть ей прямо въ глаза?

Юля сидѣла предъ нимъ на диванѣ, глядѣла на его стройную, сильную фигуру, смотрѣла, какъ въ его кудрявой головѣ запутались играючи золотые лучи солнца, слушала его страстную рѣчь и въ глазахъ ея свѣтилась надежда, а изъ дальняго уголка души подымались новыя, смѣлыя, искреннія чувства...

— Да, ты правъ. Мнѣ кажется, что ты правъ. Я скорѣе чувствую, чѣмъ понимаю это... Но, вѣдь, такъ—все можно?!

— Я не знаю, что можно, что—нельзя. По человѣческимъ законамъ многого нельзя. Но природа, правда жизни выше ихъ. И я ее чувствую, ей вѣрю...

Нѣсколько минутъ они оба молчали, думая объ одномъ и томъ же, каждый по своему.

— Да, кажется, ты правъ, — медленно, какъ будто думая вслухъ, проговорила Юля. — Я еще не знаю, какъ поступлю, когда увижу Зину, но я чувствую въ себѣ смѣлость увидѣть ее...

— Поступай такъ, какъ найдешь нужнымъ. Я не боюсь того, что можетъ произойти, но я всею душою болѣзненно не хочу, чтобы не только вся жизнь, но одинъ день, часть ея жизни были опечалены, разбиты...

— Однако, Юльця, пора одѣваться. Скоро намъ сходить. Я ухожу къ окну и буду разсматривать видимый уже пейзажъ, а ты поторопись. Выйдя же изъ поѣзда, мы будемъ иногда бессознательно вспоминать то, что сегодня здѣсь случилось, какъ кошмарный сонъ въ вагонѣ, какъ страстную мечту юности...

За окномъ разстилалась необъятная степь, освѣженная предъутренней росой.

Мимо проносились однообразные, сѣрые телеграфные столбы. Поѣздъ бѣшено мчался, раскачиваясь и гремя всѣми своими стальными членами.

Молодая женщина торопливо одѣвалась, прислушиваясь къ звонкому голосу вагонныхъ колесъ, которыя настойчиво, упорно повторяли скороговоркой: кажется, правъ!.. кажется, правъ!.. кажется, правъ!..

Алекс. Гринбергъ.

Сумракъ растетъ паутиной,
Льется потокомъ въ окно,
Виснетъ надъ старой картиной.
Небо угасло давно.

Медленныхъ тихихъ видѣній
Отблескъ, на голой стѣнѣ
Бродятъ широкія тѣни....
Плачетъ душа въ тишинѣ.

К. С.

День не проснувшійся повисъ въ сыромъ туманѣ...
Полены темныя раскрылись на рѣкѣ—
И, какъ гробницы на кладбищенской полянѣ,
Забутый таетъ ледъ, сверкая вдаль.

Ворона, каркая, въ пустынной мглѣ летаетъ,
Рѣка широкая еще такъ тихо спитъ.
Но и безъ солнца ледъ холодный быстро таетъ,
Сильнѣй подъ барками струя воды бѣжитъ.

И скоро дни придутъ, и цѣни ледяныя,
Разрушивъ, унесетъ могучая волна—
И вновь свободная, въ закаты золотые,
Плескаясь, будетъ пѣть: пришла, пришла весна!

К. С.

Храмъ случайности.

Метерлинка.

(Окончаніе).

Маленькій шарикъ продолжаетъ вращаться въ сторону противоположную движенію цилиндра, а я думаю о разрушительной силѣ могучей власти, переданной шарикъ самымъ гнуснымъ изъ договоровъ. И каждый разъ, какъ онъ устремляется впередъ, бѣжитъ искать таинственной разгадки, сразу исчезаютъ всѣ святыя и существенныя остатки единственной основы нашей общественной морали: цѣны деньгамъ. Уничтожить значеніе денегъ, чтобъ замѣнить его болѣе высокимъ идеаломъ—прекрасно; но уничтожить это значеніе, чтобъ поставить на его мѣсто Ничто пустое и голое Ничто,—одно изъ самыхъ крупныхъ преступлений противъ современной эволюціи. Деньги,—если взглянуть на нихъ съ извѣстной точки зрѣнія и освободить ихъ отъ случайныхъ пороковъ—символь, достойный почитанія символъ труда челоуѣка, плодъ благородныхъ жертвъ и тяжелыхъ усилій. А здѣсь, въ этомъ храмѣ случайности, символъ этотъ, одинъ изъ послѣднихъ символовъ, завѣщанныхъ намъ прошлымъ, ежедневно подвергается осмѣянію и поруганію.

Слѣдуя капризамъ маленькаго бессмысленнаго шарика, пустой дѣтской игрушки, здѣсь, въ одно безумное мгновеніе теряютъ всякую цѣну десятки лѣтъ тяжелаго труда, сознательной работы, безропотнаго исполненія долга. Это волшебное чудовище озарило бы своимъ смертоноснымъ сіяніемъ всѣ соціальныя организмы, если бы его не удалили на одинокій утесъ. Даже тамъ, въ уединеніи зачумленнаго, оно широкой, коварной волной разливаетъ свое разрушительное вліяніе. Вліяніе это такъ неизбежно, пагубно и глубоко, что, выходя изъ проклятаго дворца, гдѣ не-

прерывно струится золото, вопреки человѣческой совѣсти, поражаешься, какъ жизнь не остановилась, покорные рабочіе еще соглашаются украшать цвѣтники зловѣщаго зданія, несчастные сторожа за безумно ничтожную плату продолжаютъ охранять его входы, а бѣдная маленькая старушка все еще борется съ нищетой, упорствуетъ, перебивается изъ года въ годъ, предлагая у мраморныхъ ступеней дворца разбогатѣвшимъ или разорившимся игрокамъ апельсины, орѣхи, миндаль и спички...

* * *

А костяной шарикъ уже замедлилъ свое движеніе и, какъ игривое насѣкомое, скачетъ по клѣткамъ, стремящимся его притянуть. Сейчасъ будетъ произнесенъ неумолимый приговоръ.

Поразительное уродство гашихъ глазъ, ушей и ума, которыми мы такъ гордимся! Непостижимая тайна самыхъ элементарныхъ законовъ нашей земли! Здѣсь, въ этомъ храмѣ, за нѣсколько секундъ движенія шарика, на полѣ битвы въ тридцать сантиметровъ, въ насмѣшливой и ребяческой формѣ, тайна мірозданія наноситъ человѣческому разуму, его могуществу, непрерывныя пораженія. Соберите вокругъ этого стола всѣхъ ученыхъ, чародѣевъ, ясновидящихъ, пророковъ, святыхъ, математиковъ, геніевъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, попросите ихъ найти въ умѣ, душѣ, въ наукѣ, въ ихъ небесахъ разгадку этой маленькой тайны, попросите назвать число, гдѣ остановится костяной шарикъ; пусть они обратятся къ своимъ всезнающимъ богамъ, къ своимъ могучимъ мыслямъ, которыя управляютъ народами и, кажется имъ, постигли тайны міра: всѣ ихъ усилія разобьются объ эту дѣтскую загадку, которая черезъ мгновеніе станетъ всѣмъ извѣстной. Никто еще не открывалъ этой тайны, никто ее не откроетъ.

Вся сила, вся увѣренность „Банка“, этого невозмутимаго, упорнаго и всегда побѣждающаго союзника ритмичной и совершенной мудрости Случая,—основана на неспособности человѣка предвидѣть, хоть бы за треть секунды, то, что произойдетъ на его глазахъ. Если бы съ тѣхъ поръ, какъ въ храмѣ случайности, на цвѣтущемъ уступѣ, производятся непрерывные опыты, нашлось бы хоть одно существо, которое разорвало бы таинственную оболочку, окутавшую будущность маленькаго шарика, банкъ бы лопнулъ, предпріятіе бы погибло. Но такое аномальное существо не являлось, и банкъ увѣренъ, что оно никогда не придетъ, не сядетъ за его столы. Человѣкъ, несмотря на свою

гордость и безумныя надежды, увѣренъ, что онъ ничего и можетъ знать.

* *

Сказать правду, случай для игроковъ—несуществующій богъ. Они поклоняются вымыслу, который принимаетъ для нихъ самыя разнообразныя формы. Они приписываютъ ему законы, привычки, противорѣчивыя и вымышленныя предпочтенія. Одни говорятъ, что у него есть излюбленныя числа; другіе, что онъ подчиняется извѣстному ригму, который легко уловить. По мнѣнію нѣкоторыхъ, таинственная справедливость болѣе или менѣе равномерно распредѣляетъ счастье.] Есть, наконецъ, и такіе, которые утверждаютъ, что врядъ ли большая часть выигрышей должна выпадать на долю банка. Существуетъ цѣлый химерическій Corpus Juris рулетки. Въ непрерывномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же случаевъ, въ нѣкоторыхъ совпаденіяхъ—галлюцинирующій взглядъ игрока улавливаетъ призраки законовъ. Но въ моментъ испытанія, когда вы рассчитываете на силу этихъ законовъ, они внезапно исчезаютъ и оставляютъ васъ лицомъ къ лицу съ неизвѣстностью. Но большая часть игроковъ приносятъ на зеленое поле совершенно другія надежды, сознательныя или инстинктивныя, но во всякомъ случаѣ менѣе правдоподобныя. Они увѣрены, что случай уже побережетъ имъ свою милость или немилость. Они думаютъ, что существуетъ нѣкоторое соотношеніе между маленькимъ шарикомъ и ихъ присутствіемъ здѣсь, ихъ страстями, желаніями, пороками, добродѣтелью, заслугами, нравственной и умственной силой, красотой, геніальностью, разгадкой ихъ личности, ихъ счастьемъ, будущимъ и жизнью. Конечно, никакого соотношенія нѣтъ, и быть не можетъ. Они ждутъ приговора маленькаго шарика и надѣются оказать на него тайное вліяніе, а ему не до ихъ радостей и печалей. За тридцать, сорокъ секундъ своего движенія и жизни, онъ долженъ подчиниться столькимъ міровымъ законамъ, разрѣшить столько безконечныхъ задачъ, исполнить столько обязанностей, что человѣческое сознаніе не способно ихъ вмѣстить. Въ своемъ движеніи онъ долженъ примирить двѣ неосуществимыя и несоизмѣримыя силы, которыя составляютъ двойственную душу міра: силу центростремительную и центробѣжную. Онъ долженъ считаться съ законами притяженія, тренія, сопротивленія воздуха и видоизмѣненіями матеріи. Онъ долженъ прислушиваться ко всему, происходящему на землѣ и въ небѣ, такъ какъ малѣйшее движеніе игрока, восходъ звѣзды на горизонтѣ заставятъ его

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ.

измѣнить и даже начать снова всѣ математическія вычисленія. Ему некогда разыгрывать изъ себя милосерднаго или жестокаго бога; онъ не можетъ пренебречь ни однимъ изъ безчисленныхъ законовъ, которымъ подчиняются всѣ тѣла, вращающіяся во все-ленной. Онъ совершаетъ ту же работу, какъ луна и другія равнодушныя и холодныя свѣтила, которыя стоятъ тамъ, высоко, въ прозрачной лазури, надъ серебристо сапфирными волнами Средиземнаго моря...

Эту работу мы называемъ Случаемъ, такъ какъ не можемъ дать другого имени тому, чего мы еще не понимаемъ.

Н. Г.

Мистикъ съ браунингомъ.

Революціонныя идеи еще не отразились въ искусствѣ, и, за отсутствіемъ какой бы то ни было идеи, современные художники увлекаются реализмомъ.

И. Кропоткинъ.

Создалась легенда: Леонидъ Андреевъ пугаетъ буржуазію. Философскіе тезисы его рассказовъ отнимаютъ у нея послѣднія надежды. Фетиши буржуазіи падаютъ одинъ за другимъ. У буржуазнаго строя нѣтъ ничего,—будто бы говоритъ Андреевъ. Нѣтъ у нея ни здороваго юношества, ни здоровыхъ дѣтей. Зараженный Паша („Въ туманѣ“)—символь разлагающейся буржуазной семьи. Своими произведеніями Л. Андреевъ развѣнчиваетъ послѣднія буржуазныя иллюзіи. Вѣра? Но вотъ Василій Ойвейскій. Всѣ его исканія, весь огонь религіозной вѣры, вся страстная стремительность обрѣтенія Бога не приводятъ ни къ чему. Разбито все. Кромѣ горя, лишеній и безплодности ничего не принесла священнику его вѣра. Какая жъ вѣра? Никакой вѣры нѣтъ. Мысль? Нѣтъ и Мысли, какъ бы восторженно, красиво и поэтично о ней ни говорилъ Керженцевъ. Будто бы одну за другой рушилъ Андреевъ стѣны, за которыми пряталось и укрывалось трусливое буржуазное стадо. Съ именемъ Л. Андреева стало сплетаться представленіе о художникѣ-борцѣ, о беллетристѣ-протестантѣ,

о писателѣ, вооружившемся противъ „старого міра“. Леонидъ Андреевъ, тончайшій и красивый мистикъ, самъ недовольное дитя буржуазнаго строя; Леонидъ Андреевъ, грустящій искатель, съ тоской по вѣчности и богу, другъ тайны, съ нѣжно-прощающимъ пафосомъ, прямой преемникъ загадочнаго и трагическаго Эдг. По, родственнѣй по духу Достоевскому; въ прямой связи стоящій съ Всеволодомъ Гаршинымъ; Леонидъ Андреевъ, воспринявшій въ себя величественную таинственность и гордый языкъ Иисуса Сына Сирахова, этотъ Леонидъ Андреевъ вдругъ оказался какими-то судьбами въ рядахъ пѣвцовъ пролетаріата, среди повстанцевъ противъ буржуазіи. И въ то время, какъ многимъ уже былъ ясенъ путь Л. Андреева въ „Вѣсы“ и „Скорпионъ“, онъ прославлялся художникомъ, исполненнымъ гражданскаго гнѣва, творящимъ мѣсть въ сердцахъ, двигающимъ какую-то неясную, незримую, но страшную силу на борьбу съ режимомъ и буржуазіей, — получился какой-то мистикъ съ браунингомъ! Я не о человѣкѣ-Андреевѣ пишу. Возможно, что, по своимъ убѣжденіямъ, какъ партійный членъ, какъ философъ, онъ именно такой борецъ за судьбы и будущее низовъ, рѣшительный и смѣлый врагъ стараго режима. Но Л. Андреевъ — авторъ — не тотъ. Не тотъ Андреевъ „Большого Шлема“; не тотъ авторъ „Молчанія“ и „Стѣны“, „Разсказа о Сергѣѣ Петровичѣ“, „Мысли“, „Жизни Василия Оивейскаго“. Весь во власти мистическихъ раздумій, пѣвецъ предчувствій смерти, зрящій тайну, влюбленный въ вѣчность и загадочность, художникъ одиночества и страха, психологія котораго ему удавалась и удастся такъ, какъ никому больше — вотъ Андреевъ. Произведенія этого „пугала“ буржуазіи полны едва ли не самаго настоящаго буржуазнаго страха, буржуазнаго шатанія, буржуазной неустойчивости, буржуазнаго ужаса. Страницы Леонида Андреева кажутся рожденными подъ чернымъ небомъ пессимизма, и та бодрящая нотка, которая пробивается у него то тамъ, то сямъ — только нотка. Самый романтизмъ его только трагиченъ, но не призывенъ, а негодованіе нигдѣ не зажигаетъ ни мести, ни подъема, ни страсти и кончается примиреніемъ. Наибольшее впечатлѣніе въ разсказахъ Л. Андреева производитъ изумленный остановившійся ужасъ. Но чаще всего въ этихъ книжкахъ — примиреніе и прощеніе, снисходительная грусть, судъ по человѣчеству. Ничего агитаторскаго. Ничего пропагандистскаго. Ничего мечтающаго. Крыльевъ не вырастаетъ у читателя, не кипитъ душа, нѣ поетъ сердце. Только смятеніе рождается въ душахъ, только ужасъ, только изумленіе и страхъ. Но разбуженная жизнь съ ея валами, съ ея волнами и ширью потребуетъ иного и иной

материалъ дать художнику и иное содержаніе волеетъ въ искусство. Борьба и героизмъ прекраснѣйшіе вдохновители поэтовъ и художниковъ. Протесты бодрятъ. Живое, новое, сильное и горячее зазвучитъ въ пѣсняхъ. Взойдетъ солнце новой литературной, новой художественной жизни. Но пока нѣтъ даже ростковъ. Революція ушла изъ-подъ пера современнаго беллетриста. На полотнахъ революціонныхъ картинъ глядятъ старыя краски, старая манера, старыя настроенія. Безъ призывовъ, безъ бури, безъ радости, безъ гнѣва и мстящей жажды живетъ нынѣшняя беллетристика. Только сюжетъ сталъ будто бы новымъ. Но ново отношеніе авторовъ къ этимъ сюжетамъ, но старъ тонъ пѣсенъ, но прежній ихъ темпъ. Громадныхъ размаховъ возставшей жизни не слышно въ авторскихъ строкахъ, и гдѣ-то въ сторонѣ беллетристическихъ настроеній бушуетъ тяжело дышащее море народное. Главнаго нѣтъ въ рассказахъ,— нѣтъ новыхъ лицъ, нѣтъ новыхъ чувствъ, нѣтъ новыхъ идеологій и новой призывной лирики, и гнѣва, и злобы, и романтически-будящихъ словъ. Изображаются казни, рисуютъ движенія, рассказываютъ о жестокостяхъ и пролитой крови, но не слышно освобожденной толпы, революціонныхъ героевъ, и рѣшимости, и смѣлыхъ порывовъ, и боевой радости, хоровъ и пѣсенъ, костровъ и гимновъ, общаго возбужденія, смятенныхъ душъ. Не говоря о второ- и третьестепенныхъ беллетристахъ, даже первые не подходятъ близко къ новымъ воодушевленіямъ, даже они стары, знакомы, неизмѣнны по прошлогоднему, все прежніе, все тѣже. Сюжетъ — новъ, но онъ въ старомъ портфелѣ, въ старой переработкѣ, со старыми наблюденіями, выношенный прошлогодней душой. „Губернаторъ“ — называется новый рассказъ Л. Андреева. Но новъ онъ только потому, что сейчасъ написанъ, новъ съ метрической, но не съ художественной, не съ общественной точки зрѣнія. Даже то, что губернатора убиваютъ, не слишкомъ ново, потому что и губернаторовъ и сами губернаторы убивали и раньше. И та психологія, которой занятъ авторъ здѣсь, старая, знакомая. Губернаторъ — прежній „андреевскій“ герой. И все у него „андреевское“ и тоже прежнее. Весь смыслъ рассказа въ переживаніяхъ растерявшагося человѣка, случайно совершившаго великую и злую мерзость, кающагося, но безсильнаго, обреченнаго на смерть, ее предчувствующаго и въ этой смертной тоскѣ не находящаго себѣ ни мѣста, ни успокоенія, ни выхода. Не то, конечно, хотѣлъ бы изобразить Л. Андреевъ. Почти навѣрно можно сказать, что о „Губернаторѣ“ будутъ писать, какъ о рассказѣ революціоннаго момента. И какой это будетъ вздоръ! Настоящихъ и истинныхъ

героевъ революціи здѣсь нѣтъ, и даже, истинные герои, которыхъ надо было и слѣдовало ждать, гдѣ-то въ тѣни, въ спѣшныхъ конфузливыхъ намекахъ, немногихъ, неясныхъ, неважныхъ. Черезъ весь рассказъ проходитъ старый андреевскій мотивъ,—мотивъ побѣждающей стихійной силы, неразумной, случайной, но страшной. По прежнему, настоящій герой его послѣдняго рассказа—смерть. Старый прежній „андреевскій“ одиночка, лишь переодѣтый въ генеральское пальто съ красной подкладкой, съ красными лампасами—вотъ что такое губернаторъ. Надо согласиться, что краснаго здѣсь мало. Даже не типиченъ этотъ трижды несчастный губернаторъ, такъ случайно махнувшій платкомъ и теперь обреченный видѣть все одну и ту же картину: „бѣлый платокъ, выстрѣлы, кровь“. Случайно махнулъ платкомъ губернаторъ, случайно пролилась кровь рабочихъ, но не случаенъ этотъ штрихъ для Л. Андреева. Пѣвецъ стихійнаго зла, Л. Андреевъ именно случаю придаетъ и всегда придавалъ огромное значеніе. Элементъ случайности вездѣ у него въ прошломъ. Случайно умираетъ за большимъ шлемомъ, случайна, неясна и необъяснима смерть дочери священника въ „Молчаніи“, какъ-то случайно паденіе въ „Безднѣ“ Нѣмовецкаго, случайно гибнетъ мечта въ „Ангелочкѣ“, цѣлый рядъ случайныхъ трагедій въ „Фивейскомъ“. Гдѣ стихійное начало—побѣдитель, такой случай—постоянный исполнитель. Это только логично. И если случайно убиваетъ губернаторъ, то стихійная сила мистическаго Закона-Мстителя убьетъ самого губернатора. Тотъ же пріемъ, тотъ же штрихъ, та же точка зрѣнія, тотъ же прошлогодній, старый писатель, знакомый Андреевъ перваго тома своихъ рассказовъ, Андреевъ 1901 года. Все, что могло бы обновить страницы его послѣдняго рассказа, отодвинуто въ тѣсную каморку десяти строкъ. Исполнители приговора „Закона-Мстителя“ появляются закутанными въ какіе-то плащи и ихъ не видно, не слышно, они въ туманѣ, задрапированные, стоящіе гдѣ-то за кулисами. И это Леонидъ Андреевъ, самый сильный, самый подвижной, самый гибкій изъ современныхъ беллетристовъ! Революціонный размахъ не дался. Картина оказалась старой. Беззвучно, въ тихихъ тонахъ, безъ искры героическаго взрыва, безъ бунтарскихъ подъемовъ, написана строка за строкой этого неноваго „Губернатора“. Не хватаетъ смѣлыхъ размаховъ, не хватаетъ силы и напряженности, гнѣва и злобы. Но бряцаніе протестующаго оружія, повстанческая мощь и ширь народнаго рева неизбѣжно послышатся, неизбѣжно польются, какъ набатные колокола, со страницъ беллетристическихъ. Зажгутся сторожевые огни и запоетъ низъ. По красному огню

пожаровъ фантазіи разсыпятся черные брилліанты побѣднаго поэтическаго творчества.

Новые люди возьмутъ беллетристическія перья въ свои грубыя, въ свои дерзкія, въ свои сильныя руки. Готовится громадный переворотъ въ искусствѣ. Нарождается пролетарскій гимнъ, буржуазныя трели сходятъ съ нотъ, бодрые голоса уже звучатъ въ воздухѣ, входятъ далекими шагами новый человѣкъ исторіи всеобщей и исторіи литературной. Прощай старый міръ, и да здравствуетъ молодая и крѣпкая жизнь героизма, свѣта и мощной молодой безудержной—вѣчной силы!

П. Пильскій.

О творествѣ.

I.

У Шницлера герой его одноактной пьесы—Георгъ Мерклинь—говорить:

— „Я просто вышвырнулъ свой гобой въ окно. Истинный художникъ никогда не бываетъ способенъ на что либо. Ему ничего внѣ своей души не нужно“.

По пьесѣ, Мерклинь—цѣльная, свободная и сильная натура. Онъ надѣленъ могучей силой жизненности. И именно въ этой его особенноти лежитъ объясненіе приведеннаго парадокса.

— Если ты живешь, а не вяло прозябаешь, если въ душу твою вливается исключительное обиліе жизнеощущеній и ты, чуткій, подвластный мельчайшему вѣянію, отдаешься ихъ наплыву, то возможно-ли для тебя выйти изъ этого живого потока ощущеній для того, чтобы подсесть къ столу и трудиться надъ художественными неподвижными отраженіями этихъ пролетѣвшихъ мгновеній?

Вѣдь что такое по Мерклину художникъ? Художникъ—это самый живой изъ людей. Если онъ далъ намъ такое волнующее своей печальной красотой изображеніе вечерней полевой дали, или березки, трепещущей сквозной листвою въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ, то не вслѣдствіе своего чисто внѣшняго мастерства въ

обладаніи рисункомъ, ибо самое-то это мастерство тоже кое-чѣмъ обусловлено, но прежде всего потому, что онъ могъ съ необычайной силой и остротой почувствовать и это поле, и эту березку, сильнѣй, чѣмъ это могли бы сдѣлать мы... Жизненность же натуры не можетъ быть, такъ сказать, частной, т. е. проявляться только въ отношеніи къ чему-либо одному въ мірѣ; и зрѣніе, и слухъ, и вниманіе художника должны быть открыты каждому солнечному лучу и каждому крику играющаго ребенка...

Прежде чѣмъ поэтъ явится для насъ авторомъ такихъ-то произведеній, онъ, вслѣдствіе особой остроты воспріимчивости своей организациі, представляетъ собою какъ-бы чистѣйшее ощущеніе жизни... И не только, конечно, въ томъ возвышенномъ и исключительномъ, что когда-то отводилось въ обладаніе поэта, но во всемъ, что дѣлаетъ жизнь яркой или скучной, страшной или величественной...

Имѣй живую душу—вотъ наше первое требованіе къ поэту; пусть она по своей способности отраженія будетъ подобна горнему озеру, на поверхности котораго видна тѣнь мельчайшей вѣточки, тогда и ни одно движеніе человѣческой души не ускользнетъ отъ твоей воспріимчивости.

Отдавшись жизни, какъ жизни, а не какъ объекту своихъ художественныхъ воспроизведеній, поэтъ будетъ и сильнѣй и правдивѣй въ своихъ ощущеніяхъ. Ибо нельзя чувствовать что-либо съ той или другой цѣлью, если только не ввѣряться самообману; возможно только одно: совершенно отдаться чувству чистому отъ какихъ бы то ни было цѣлей. Именно эту яркую способность переживанія предполагаемъ мы въ художникѣ.

— „Будь не тѣмъ, кто пишетъ стихи, но кто живетъ и чувствуетъ жизнь“. По алой полоскѣ занимающейся зари скользятъ равнодушный взглядъ дѣльца, вставшаго съ разсвѣтомъ для спѣшной торговой сдѣлки, и на ту же зарю глядитъ поэтъ. Но не отъ человѣка дѣла, торга и расчета хотимъ мы что-либо услышать объ утреннемъ сіяньи, но отъ поэта, ибо въ послѣднемъ видимъ ту прозрачную ясность, которая одна можетъ дать чистыя и вѣрныя отраженія жизни.

Въ сущности, именно это предполагаетъ и Мерклинъ.—Выбрось, скажетъ онъ, свой гобой за окно, чтобы на эту полоску зари ты могъ смотрѣть глазами не труженика, ищущаго во всемъ предметъ воспроизведенія, но глазами самого чувства, которому безраздѣльно ты отдаешь это текущее мгновеніе, ибо только послѣ такого полного и чистаго ощущенія и останется въ тебѣ ясный образъ видимаго...

И такъ, прежде всего — жизнь. Но Мерклинь говорить только жизнь. Больше ничего, кромѣ жизни.

— Предпочтетъ-ли художникъ, сидя въ своей комнатѣ у стола, писать о молодой матери, несущей по полю, между двумя рядами высокой ржи, ребенка, или же выйдетъ самъ подъ солнце, въ поле, и близко взглянетъ на свѣтлые глаза женщины и увидитъ, какъ полевой вѣтеръ обвѣваетъ мягкіе волоса ребенка?... Мерклинь скажетъ: здѣсь не можетъ и быть и рѣчи о выборѣ: художникъ швырнетъ свою бумагу подъ столъ и пойдетъ въ поле.

Какъ бы ярко ни могъ онъ нарисовать и эту женщину, и колосья ржи, и солнечный свѣтъ, и глаза ребенка, но сила жизни, радость жизни позовутъ его изъ рабочаго кабинета въ поле, потому что собственно творчество, да, настоящее творчество будетъ именно тамъ, въ полѣ, а не здѣсь — за столомъ. Вѣдь, имѣя въ виду самое обычное пониманіе творчества, какъ передачу внутреннего во внѣшнемъ посредствомъ художественнаго образа въ словѣ или на полотнѣ, ясно, что въ самой то передачѣ совершается только чисто внѣшняя работа, для которой необходимо нѣкое условное мастерство, а что творчество настоящее совершалось тогда, когда возникало въ душѣ художника все то, что теперь станетъ онъ передавать словомъ. И такъ, даже съ обычной, не Мерклиновской, точки зрѣнія видно, что собственно творчество есть переживание и переработка жизненныхъ ощущеній и что вся цѣнность и глубина заключается не въ томъ, что будетъ какъ бы искусственно создано поэтомъ въ его работѣ, но въ томъ одномъ, что произвольно вошло въ его сознаніе въ ощущеніяхъ жизни. Недаромъ-же истинные поэты, жалуясь на „муку слова“, на невозможность исчерпать въ передачѣ свою внутреннюю жизнь, тѣмъ самымъ признавали, что ихъ работа за письменнымъ столомъ не есть собственно творчество, но лишь усилія передать то, что возникло уже и живетъ въ душѣ. Такъ что въ основѣ Мерклиновскаго афоризма лежитъ несомнѣнная истина. Теперь остается вопросъ: куда перенести центръ тяжести, чему придать главную цѣнность: собственно творчеству ли, которое есть глубоко-внутреннее, интимно-личное дѣло художника, или же его труду, его мастерству, благодаря которому онъ богатство личныхъ переживаній дѣлаетъ достояніемъ всѣхъ?..

Георгъ Мерклинь это рѣшаетъ заявленіемъ: „я выбросилъ свой гобой за окно“. Художнику ничего внѣ своей души не нужно.

Здѣсь уже не можетъ быть рѣчи объ обособленности и замкнутости поэта. Онъ не уходитъ отъ жизни, не замыкается отъ

нея въ свой узкій чисто-человѣческій мірокъ, наоборотъ,—онъ жизни-то открываетъ всю свою душу, онъ весь отдается ей, ея свѣту, ея воздуху, ея тѣмъ, ея звукамъ и молчанію... Онъ ловитъ и голосъ ребенка, и колыханье травъ, и стонъ больного... Онъ жизни открытъ, но отъ бумаги, отъ рабочаго стола отворачивается, какъ отъ мертвечины... Георгъ Мерклинь выбросилъ свой гобой за окно и съ тѣхъ поръ скитается свободный, какъ вѣтеръ, и какъ никогда—полный чистѣйшаго ощущенія жизни. Правда, въ модномъ журналѣ не появятся его поэмы или философская лирика, и въ литературномъ мірѣ имя Георга Мерклина незамѣтно исчезнетъ, но поэту, читающему передъ многочисленной аудиторіей свой новый рефератъ, на который потрачено было три дня усиленной работы, Мерклинь въ двухъ фразахъ дастъ такое яркое представленіе своей свѣжей и сильной жизни, что на того повѣетъ воздухомъ полей, лѣсовъ и рѣкъ... Вы здѣсь сидите за столомъ и пишете о полевыхъ травахъ, съ которыхъ утренній вѣтеръ отряхаетъ капельки росы, а тамъ—за городомъ, далеко, далеко, они лежатъ эти широкія, эти пустынные, эти тихія поля... Они лежатъ, они живутъ своей пустынной свѣжей жизнью, но развѣ вы входили въ эту жизнь всѣмъ своимъ тѣломъ и всей душой, развѣ вы стояли передъ этой безконечной пустыней и глядѣли въ глаза ей и чувствовали погружающее васъ въ какую-то холодную глубину успокоеніе?... Я только что оттуда—и въ моей одеждѣ, въ моихъ волосахъ—запахъ ея сочныхъ травъ, свѣжесть полевого вѣтра и влага ея обильной росы... Нужно жить, скажетъ Мерклинь, а вы пишете... Но, скажите, что же вы можете написать, если вы не живете?..

Аратовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель А. А. Гринбергъ.

Адресъ Редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. 21, кв. 11.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЧУЛКИ

гарант., не линяющ., лучш. матеріала, дюж. по 6 р., 8 р.; БЕЗЪ ШВА, кручен. бумаги, незам. прочности 9 р.; настоящ. фильд. 10, 80 к., 12 р., до 21 р. ДѢТСКІЕ ЧУЛКИ съ тройн. колѣн., носк. и пятк. № 1 по 35 к., за № больше 5 к. Спец. складъ чулочныхъ издѣлій.

Д. Дальбергъ.

Спб. Гороховая, д. 16.

3—1 Тов. выс. нал. плат.

Этюды

и

Картины

масляными красками.

дешево распродаются.

Канонерская, домъ 5, кв. 38.

Открыта подписка на 1906 годъ

на политическую, экономическую и общественную газету

„СТРАНА“

Подъ редакціей **МАКСИМА КОВАЛЕВСКАГО**,
профессора **И. ИВАНЮКОВА**.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой въ С.-Петербургъ и Россію: На годъ 12 р., на 10 м. 10 р., на 6 м. 6 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р. 20 к., на 1 м. 1 р. 10 к.

За границу: На годъ 24 р., на 10 м. 22 р., на 6 м. 12 р., на 3 м. 6 р., на 2 м. 4 р. на 1 м. 2 р.

Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ: на годъ—8 р., 10 мѣс.—7 р., 6 м.—4 р., 3 мѣс.—2 р. 25 к., 2 мѣс.—1 р. 50 к. и 1 мѣс.—80 к.

Редакція: Невскій, 92, тел. 5989.

Квотора газеты „СТРАНА“ (Невскій, 65) открыта для приѣма подписки и объявленій съ 10 час. утра до 5 час. пополудни, кромѣ дней воскресныхъ.

Открыта подписка и приемъ объявленій.

Зеленый Шумъ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписная цѣна:

съ 1 апрѣля до конца 1906 года

съ доставкой и перес.	2 р. 50 к.
на 6 мѣсяцевъ	1 » 75 »
на 3 мѣсяца	— » 90 »

Отдѣльный № въ розничной продажѣ
въ С.-Петербургѣ — » 10 »
въ провинціи — » 15 »

Объявленія: за страницу послѣ текста — 35 р.,
 $\frac{1}{2}$ стр. — 20 р., $\frac{1}{4}$ стр. — 12 р., за одинъ
разъ. Впереди текста—по особому соглашенію.

Редакція и контора журнала:

С.-Петербургъ, Ковенскій пер., домъ № 21, кв. 11.

Ред.-изд. А. А. ГРИНБЕРГЪ.

